

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 17

1981

Нина ХРАБРОВА

ОСТАНОВКИ В П У Т И

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 17

Нина ХРАБРОВА

ОСТАНОВКИ В ПУТИ

О Ч Е Р К И

Москва. Издательство «ПРАВДА»

1981

Нина ХРАБРОВА

Нина Сергеевна Храброва родилась в древнерусской стороне — недалеко от Чудского озера, на границе РСФСР и Эстонии.

В ее «послужном списке» — три пометки: шесть лет пионерской и комсомольской работы, четыре года — корреспондентом «Комсомольской правды», всю остальную жизнь — собственным корреспондентом «Огонька» по Прибалтике.

По заданиям редакции она выезжала и в другие республики.

В этом сборнике мы публикуем ее очерки о людях России, Прибалтики и Средней Азии.

УРОКИ

Стоит у чисто промытого окна женщина с тетрадью в руках. За окном — Русь. Белый ствол березы занавешен тонкими, зелеными ветвями. У мокрой дороги черемуха разомлела. Сквозь путаницу кустов поблескивает река Пскова, а за Псковою-рекой трактор ходит по пашне. Глаза у женщины весенне-зеленые, темные волосы с нитями седины причесаны гладко и затянуты в тугой узел.

...Мы познакомились год назад да и виделись за этот год всего два раза, а кажется, будто знаю ее всю жизнь.

Думаю, что из двух ее орденов и двенадцати медалей ей дороже всего партизанская — строгая память честной и непреклонной юности. Трудная война у нее была. Выглядело это так: худущая девочка ходит по псковским деревням и дорогам, то старую кофточку меняет на кусок хлеба, то связку дров несет из лесу. Как тысячи других подростков в те годы. А ведь она в разведку ходила, была партизанской связной. Всю войну — угроза провала, виселицы, смерти с дощечкой «партизан» на груди. Страшнее, чем на фронте, чем в партизанском лесу, — там рядом всегда свои...

Знаю, что после войны, став секретарем райкома комсомола, долго не получала зарплаты — пока бухгалтер не напомнила. Самой и в голову не приходило: за освобожденную комсомольскую работу деньги получать. И училась всегда заочно. Сначала в педучилище, потом в институте имени Герцена, каждой ступеньке в достижении цели радовалась. Шла к своей профессии прицельно-прямо. Было у нее в жизни много счастливых дней. Но каждый раз, когда ее труд прилюдно отмечали, она испытывала мучительную тревогу — по заслугам ли? Отметала сомнения спасительной мыслью: еще есть время отработать высокий аванс.

Приезжала я к ней в конце прошлой весны по исключительному поводу — Указом Президиума Верховного Совета СССР ей, Полине Георгиевне Лозиной, было присвоено звание Народный учитель. Уже начались каникулы, классы опустели, и я застала ее у старого деревянного здания школы придиричиво перебиравшей груды белого кирпича.

— Школу облицовывать будем.

И вот нынче школу едва отыскала, только по старой березе, а под ней вместо старой «деревяшки» стоит симпатичное белое зданьице. И такая в нем тишина, что я даже испугалась: думала, опять опоздала. Но нет — шли уроки. Когда ребяташки убежали, мы остались вдвоем. Я уверенно собираюсь завтра с утра опять сюда, а Полина Георгиевна стоит у окна, рассматривает учебный план конца года и вдруг спрашивает:

- Будем жить по расписанию или?..
- Будем жить по расписанию.

Урок хлеба

- Ребятки, какой у нас сейчас месяц?
- Ма-ай!
- Какие праздники в этом месяце?
- Первое Мая. День Победы!
- А еще?.. Праздник Хлеба, дни весеннего сева. Никто в эти дни не отдыхает, все в поле. И работа там трудная, земля сырая, дожди да ветры, а все-таки — праздник. Почему? Вот мы прочтем в букваре поговорку: «Весенний день год кормит». Раскройте эту страничку, я почитаю, а вы последите.

Третий класс не отвлекается, берет карточки, решает примеры, но ухо держит остро — тоже слушает о празднике Хлеба.

Голос у Полины Георгиевны низкий, теплый, я слушаю старую, как мир, простую и удивительную историю о том, как сухое зерно упадет в весеннюю землю и осенью обернется золотым колосом с десятью, а то и двадцатью зернами. А где-то даже и с шестьюдесятью! Там, где оглоблю воткнешь, телега вырастает... Пока не здесь. В сумке у меня номер газеты «Псковская правда», которая напоминает читателям, что за последние четыре года урожаи в области не только не росли, но снижались и в среднем за это время едва превысили десять центнеров с гектара. Нынче земледельцы Псковской области хотят вырастить раза в полтора больше, да вот беда — весна запоздала. Тревожно. Но государство обещает области на следующую пятилетку побольше капиталовложений и побольше удобрений, машин...

— Какого цвета наша земля? Кто хочет сказать, поднимите руку. Скажи, Валечка.

- Желтая.
- Теперь ты, Владенька.
- Серая.
- Жанночка?
- Оранжевая.

— Верно, верно, ребятаки. Только главного цвета земли вы не назвали — черного. Не назвали, потому что такого не видели. Оттого

наша псковская земля и называется нечерноземной. Чтобы черной стала, много труда ей надо отдать: запахать навоз с животноводческих ферм, минеральные удобрения внести. Пахать хорошо надо, а еще что, Валенька? Правильно — боронить. Когда вырастете вы и станете, может быть, механизаторами или агрономами, тогда земля будет сначала коричневой, потом черной; плодородной станет. Для этого надо быть вам и здоровыми, и прилежными, и много учиться, много знать.

Так она объясняет первоклассникам окружающую их жизнь. И оттого, что в эти весенние дни она вернулась к уже пройденной тематике и снова подчеркнула ее, приходит к детям любовь к родной земле вместе с запахом сырого апрельского ветра...

— Теперь посмотрите, что я вам покажу.

Я тоже смотрю и вижу четырехугольник белого плотного картона, на нем четыре пробирки и еще что-то.

— В первой пробирке стебель: так хлеб растет. Во второй спелый колос с зернами. В третьей зерна, они уже очищены, лучшие из них отбирают, хранят до будущей весны, для будущего сева. А в четвертой пробирке — мука: зерна смолоти на мельнице, из муки выпекут мягкий и пышный хлеб. И вот, пожалуйста, на нашей таблице: баранка, черного хлеба кусочек, белый пшеничный сухарик. Третьеклассники! Ну, что же вы? Не отвлекайтесь, решайте свои примеры. Владимир, ты запомнил поговорку, которую я прочла после рассказа о хлебе?

— Посеешь в пору, соберешь зерна гору.

— Молодец. А другую поговорку кто-нибудь запомнил?

— Весенний день год кормит.

— Ну-ка посмотрим, как третьеклассники потрудились?

Это, конечно, многолетней практикой дается — работать с двумя классами в одном помещении, привычно переключаться с одного возраста на другой, с русского языка на арифметику и всегда помнить, на чем в каждом классе остановилась. Но какими усилиями добиться, чтобы все ребята сосредоточенно работали?

— Ну, третьеклассники — их я понимаю, они привыкли. А первоклассники? — шепотом спрашиваю подсевшую ко мне Полину Георгиевну.

— Ну как же, они уже год так работают и тоже привыкли, — шепчет она в ответ.

Встала, отошла к первоклассникам, спросила:

— Все ли прочли, все ли поняли? Хорошо. Тогда почему же во время завтрака у нас кусочки хлеба на пол падают? А то еще — стыдно какой! — и на улице валяются. Никто не должен себе такого позволять.

Что-то произошло неуловимое. Голос ли стал строже, ласковая ли улыбка погасла, оба класса настроились, смотрят на учительницу во

все глаза. Сразу угадываю, кто хлеб ронял или выбрасывал: тот покраснел, тот омрачился. Дыхание все затаили. Думают.

— Третий класс, посмотрите сюда. Перед вами тетрадь Инны Лешковой. Должна признаться, мне нравятся тетради Инны: нет ошибок, чисто, красиво — и снаружи и внутри. И остальные молодцы, ответы правильные, помарок нет, несмотря на то, что вы отвлекались и тоже про хлеб слушали. Но это не упрек вам, это я в похвалу.

Очень облегчают работу и ученикам и Полине Георгиевне заранее приготовленные карточки с заданиями. Ребята накануне знают, какие карточки будут лежать в специальных подставках: дежурные раскладывают. Подставки для карточек еще покойный муж Полины Георгиевны сделал, а ему сыновья помогали. Идти на риск и отвлечь один класс делами другого — это Полина Георгиевна позволяет себе в исключительных случаях. Вот как теперь, когда речь зашла о хлебе.

Урок красоты

Расти, расти, яблонька, подрастай,
Цвети, цвети, яблонька, расцветай,—

читает Полина Георгиевна первому классу. Так читает, что и я ощущаю тонкий, с кислинкой запах яблоневого цвета, чувствую в ладонях нежность лепестков, а ничего этого у нынешней весны и на подступах нет. Валя Иванова, быстроглазая цыганочка (цыган много живет в Лисьих Горках, когда-то приезжали на здешний базар, понравилось и вот осели), Валя поднимает руку: «Можно, Полина Георгиевна?»

Валя выходит к доске и быстро повторяет стихотворение.

— Уже выучила? Умница.

Позже Полина Георгиевна будет восторгаться девочкой: «Вежливая, доброжелательная, артистичная, исполнительная, море врожденной культуры!»

— Владик, а теперь ты. По букварю почитай... Хорошо прочел. Только вот в чем дело, ребятки, мы стихотворение читаем. Это как песня. Песню мы поем с чувством, красиво. А как стихотворение надо читать? Нет, трести руками не надо, я буду вызывать тех, кто руку держит спокойно.

— С чувством!

— Красиво!

— Выразительно!

— Вот-вот, хорошее слово — выразительно. Тебе, Владик, нравится, как яблонька цветет? И яблоки нравятся? Вот ты голосом и покажи, как тебе нравится...

Симпатичный человек Владик! Крупный для своих восьми лет, светловолосый добряк. Настроен полностью на волну Полины

Георгиевны: прочел второй раз благоговейно, что надо — «голосом показал».

— Ребята, а кто из вас успел у дома яблоньку посадить? Никто еще? Ну, не беда. И сегодня и завтра не поздно посадить саженцы — помните, на прошлом уроке говорили? Почитайте стихотворение еще раз да подумайте, как станете яблоньки сажать. А дежурные третьего класса раздадут бумагу и карандаши. Как вы думаете, ребята, почему я вам не полный лист бумаги отвела, а только треть?

— Наверное, закладку в подарок новым первоклассникам будем делать,— предполагает Инна.

— Не совсем так, Инночка. Верно, для будущих первоклассников. Только пока не закладку, а нарисуем мы для них предметы, которые помогут им научиться считать. Помните, как вам в первом классе картинки для счета дарили? Ваша алгебра начиналась тоже с рисунков, помните? Одна морковка да еще одна морковка, сколько будет?

— Две-е! — с чувством большого внутреннего превосходства дружно кричит третий класс.

— А хотите знать, почему я вам так мало бумаги дала? Нет, не для того, чтобы мелко рисовали. А вот почему. Окончите вы школу, захотите стать закройщиками на швейной или обувной фабрике, и выкройки на куске ткани или кожи так потребуется разместить, чтобы сантиметра в отход не пошло. Вот и посмотрю, какие из вас мастера получатся.

Оглянула углубленных в буквари первоклассников, прошлась между партами, увидела, как мой сосед, третьеклассник Сережа Никонов вместо морковки споро нарисовал зайца. Я ожидала упрека и заранее огорчилась — сосед все-таки. А Полина Георгиевна наклонилась к Сереже и сказала тихонько: «Молодец! Заяц что надо, он нам на следующем уроке пригодится. А морковку нарисуй все-таки». Просиял Сережа.

Когда-то мне в учительском институте прививали строгую догму: быть требовательной к выполнению ученических заданий. Чтобы «от и до». Безусловно, ученики должны привыкать к порядку. А если именно сегодня проснулось в человеке нечто творческое?

После урока Полины Георгиевны я всей душой за педагогику понимания и добра.

Когда-то еще вот что внушалось: никаких уменьшительных и ласкательных, они якобы ведут к панибратству. Надо: Иванов, Комаров... У Полины Георгиевны в двух классах несколько учеников с одинаковыми именами, и в этом случае она обращается: Инна Лешкова, Инна Субханкулова, Сережа Нечаев, Сережа Никонов. Но повторно к ним же — Инночка, Сереженька... И это тоже педагогика ласки и добра. Профессионализм сродни таланту. Ни догмы, ни их нарушение тут ни при чем. Даже постоянные уменьшительные,

которые в другом случае показались бы слащавыми, у Полины Георгиевны органично выражают доброту и ласку.

— Молодцы, ребята, экономно разместили. Мастера! Почти у всех по три предмета получилось, краски яркие, с тенями. Оцениваем все вместе. Рисунок Иры Шляковой. Сережа Никонов, что ты скажешь?

— Хороший рисунок. Мне больше всего нравится морковка.

— Согласна. Света... Ира... Инна... Алеша! Ребята, что вы думаете о рисунке Алеша?

— Да у него только два предмета! Пусть дорисовывает!

— Постарайся, Алешенька! Точно очерти, раскрась поярче. Ты ведь не хотел бы себе мяч грязно-серого цвета? Красота должна быть яркой. И чистой. Без прилежания красоты не бывает.

Перед концом урока: «Ребята, посмотрим еще раз Алешин рисунок».

— Да он же не сделал ничего!

— Алеша, ты у нас один не захотел сделать подарка первоклассникам.

Складывает рисунок пополам, сама относит в мусорный ящик. Явно огорчена, лицо пятнами пошло. Алеша тоже красный. Третий класс коллективно мрачнеет. Звонок. На перемене говорю Полине Георгиевне: «Оказывается, вы умеете быть жесткой». Вздыхает:

— Приходится. Алеша хороший мальчик, только несобранный. Так троечником и выпускаю его, школа-то у нас трехклассная. Двоечников несколько лет уже нет, а тройки случаются.

— А бывает, что вы на ребят сердитесь?

— Конечно.

— Наказываете? В угол ставите?

— Что вы! Это унизительно. Даже за партой не ставлю. Только на перемене, когда все играют, минутку заставляю на месте посидеть. Не больше минутки — они же должны двигаться.

Двигаются они много — физкультурная пауза на уроках, игры на переменах. Играют тут же, в классе: в коридоре тесно, на улице холодно. Чего тут только не припасено для игр! Скакалки, гантели, мячи, кубики... Разрешаются хороводы и танцы. На большой перемене бывает «урок обеда»: Полина Георгиевна учит ребят есть аккуратно, красиво. Слышу, кто-то острит: «Самый лучший урок — обед». Никто не запрещает от души хохотать. Требуется одно — со звонком приниматься за работу. Так они и делают, садятся за парты, передники, курточки расправлены, банты сияют белыми розами. Хоть лоб разбей, не пойму, что за ребята — живые, веселые и в то же время на диво сосредоточенные. «Такими и должны быть», — минуя тысячу подробностей, говорит Полина Георгиевна. Одну все-таки подчеркивает:

— Надо все время работать с родителями. Не пойму, отчего так много разговоров вокруг семьи и школы? Надо взаимодействовать,

а не спорить. Надо помогать друг другу: семья — школе, учитель — родителям. Я иногда даже думаю — не слишком ли часто в семье хожу? И родители бывают на собраниях и на праздниках, по поводу и просто так. Они сами-то молодые, многие у меня учениками были.

Урок жизни

Живет Полина Георгиевна в бывшем селе — теперь окраина Пскова — в Любятове. В старом маленьком домике. У домика такая история: перевезен сюда из другого района четверть века назад, когда Ивана Степановича Лозина, мужа Полины Георгиевны, перевели в Псков начальником передвижной механизированной колонны. А где было жить в том разрушенном Пскове? Купили у старушки хату по тогдашним ценам за двести рублей. Передвижная механизированная колонна понастроила Любатову кварталы новых домов. Только себе Иван Степанович дома не выстроил — не тот был человек, вечная и добрая ему память... Вот в этом латанном-перелатанном, строенном-перестроенном аккуратном домике мы и ведем с Полиной Георгиевной наши долгие разговоры, рассказываем друг другу все, что с нами было.

— Вы непременно надо мной смеяться будете, а я ведь только два раза в жизни волосы в парикмахерской завивала и всего считанные разы маникюр с лаком делала. Убеждена — негоже учительнице перед учениками расфранченной появляться: и внимание пестрота отвлекает и что-то непедagogическое есть в блеске ярко окрашенных ногтей, главного — чистоты-то самой, не видно, — считает Полина Георгиевна.

— А где побывали, что повидали?

— Я-то? Да повидала Чудское озеро свое, леса и поля родные, Псков, Ленинград и, конечно, Москву. Дальше нельзя. У нас с Людмилой Васильевной Шашиной — это вторая наша учительница, надежный и талантливый педагог — такой порядок заведен: все лето по вторникам в школу ходим.

— Зачем?

— А у нас в Лисьих Горках пока ни клуба, ни кинотеатра нет, в город каждый раз все же далековато ездить, вот молодежь по старой привычке и собирается у школы. Где-то им ведь надо собираться. Школу они берегут, все здесь учились. Но на произвол судьбы оставлять нельзя — мало ли что? Разобьют окно невзначай, и прости-прощай наши учебные пособия, безупречные парты, рисунки и лепки. А так все знают — учительницы тут, значит, надо вести себя как положено. Наши ученики — все, кто не в пионерлагерях, знают: каждый вторник что-то будет. Ходим в луга гулять, смотрим, как хлеба растут, цветы собираем, гербарий для школы продолжаем. Надо для будущего заронить в них хоть искорку интереса к ботанике, ко

всему зеленому, сельскому. Жизнь-то у нас тут полугородская. Нет-нет, нельзя ребят на лето без учительского глаза оставлять — одичают без школы, волчьей шерстью обраснут...

Тут мы хохочем, потому что «волчья шерсть» — это типично псковское, с особым нашим юморком выражение, а мы немножко соревнуемся в знании псковских диалектов.

— А отпуск как же?

— Отпуск учительский длинный. На все времени хватит — почитать, повязать, новые коробки для учебных пособий поклеить, стенды обновить. Учебники почистить и подлатать тоже надо.

— Это же работа, какой же это отпуск?

— Нет отпуск! Мне нравится всем этим неспешно заниматься. Когда, если не летом, по книжным магазинам походить, новые пособия приглядеть? Да и хорошо у нас здесь, на Пскове: цветов сколько, клеверком пахнет. Приезжайте ко мне! Куда ехать-то, от добра добра искать? Зимой мне, конечно, теперь топить тяжело, совсем некогда. Может быть, квартиру в городе получу — обещает райисполком. Но Любятово навсегда милым сердцу останется: здесь лучшие годы прошли. Я в семейной жизни счастлива была. Сыновья хорошие, оба коммунисты. Разлетелись, конечно, но не забывают меня. Однако свое, личное остается с человеком навсегда.

— Попутешествовать бы вам, может, и развеялись бы грустные мысли?

— Пробовала — не выходит. Наши летние вторники — они как маленькие праздники для ребят. Знаете, постоянство вашей профессии в перемене мест. Постоянство моей — в приверженности к школе, ученикам, определенному месту, словом, каждый к своему привык, и дело свое дорого.

Не любит, не хочет Полина Георгиевна отрываться от учеников — ритм жизни нарушается.

Жаль, не может уместиться все, что надо бы рассказать о ней, в коротком очерке: все, что вокруг Полины Георгиевны, что связано с ее жизнью и работой, — большие и отдельные темы для размышлений. Будь то флажки, что стоят на партах отличников, красные звездочки рядом с каждой пятеркой в тетрадках, коллекция вырезанных отовсюду, откуда можно, с большим вкусом отобранных репродукций для украшения тетрадей и сочинений. Идеально чистые, красивые тетради! Культ парт и всего школьного имущества, классные плакаты и карты... В маленькой школе над тихой речкой Псковой добрая русская женщина с русской судьбой, единомышленница и ровесница Зои Космодемьянской, каждый день творит неиссякаемо, убежденно. И я завидую тому, кто однажды войдет сюда и выйдет с замыслом новой «Педагогической поэмы».

МАЛЕНЬКАЯ ЗВЕЗДА ПУСТОШКА

По каким делам ни ездила я в деревню, краем глаза все приглядывалась к сельским домам и клубам, и все казалось мне, что они плохо работают. Почему? Чего недостает им? Кто виноват?

И вот в конце осени прошлого года взяла я карту Псковской области, обнаружила на ней Пустошку — и поехала: село везде село, можно и на случай положиться. Зашла в сектор печати Псковского обкома партии к Игорю Ивановичу Железнову, сказала — еду в Пустошку, а намерения у меня критические. Игорь Иванович посмотрел на меня с оттенком недоумения и вдруг улыбнулся:

— В Пустошку так в Пустошку. Точнее, в Пустошкинский район, да? Таким образом, сможете увидеть работу и районного Дома культуры, а также домов культуры и клубов на селе.

В дороге я начала терзаться. Ну зачем мне понадобилось ехать за критикой именно в Псковскую область, если я в ней души не чаю! И почему именно надо было выбирать Пустошкинский район, такой далекий уголок, что само название словно бы о запустении говорит... Будто нельзя было отправиться куда-нибудь в процветающие, сами собой любующиеся края — хвалиться-то хвалятся, а в сельских клубах, подчас в нерасчетливо роскошных дворцах, безнадежная скука?

Но уж проскочили мы Великие Луки да отроги Валдайской возвышенности, и я с радостью отсчитываю каждый километр свежего асфальта цвета голубиного крыла. Хорошая дорога вела в добрый мир русской природы, в тишину лесов. В мир маленьких деревенок с яркими домами, в размышления о том, что еще многого не хватает здешней деревне: удобрений, механизмов, грамотного землеустройства. И, может быть, больше всего — духовной культуры во всем ее многообразии.

И вот она, Пустошка — маленький городок недалеко от истоков реки Великой. Незатейливый, добродушный уют.

Вечером, когда высокие окна белостенного Дома культуры разметили улицу золотыми прямоугольниками, мы отправились туда вместе с заведующей отделом культуры райисполкома Марией Семеновной Зверевой и инструктором райкома партии Валентиной Марковной Пузыней.

Надо сказать, что уже в тот момент, когда я увидела эти освещенные окна, мелькнула мысль: не туда я, кажется, приехала.

Но вот на сцену вышел хор, дирижер Людмила Андреевна Шевченко подняла руки и завладела тишиной. Подала знак — хор запел. Он запел... по-итальянски.

Тут я и поняла окончательно, что Игорь Иванович вполне справедливо подшутил над моей неосведомленностью. Но я не

обиделась, напротив, у меня словно камень с плеч свалился, удивление смешалось с радостью, и на душе стало тепло.

...— Это старая итальянская песня «Слава женщинам прекрасным», — тем временем пояснила по поводу хора Валентина Марковна.

— А по-русски они будут петь? — спросила я предусмотрительно. Валентина Марковна засмеялась:

— Будут, и много.

— А... А по-итальянски кто учил?

— Ну, конечно, Людмила Андреевна. Для нее и для преподавательницы нашей музыкальной школы Татьяны Михайловны Корольковой музицирующие люди — величайшая радость, обе торопятся вовлечь в мир музыки всех, от мала до велика. У нас много музыкальных людей.

— Валентина Марковна! Что же это тут такое в Пустошке происходит? Ведь музыкальная культура многих людей — долгая работа!

Валентина Марковна опять засмеялась:

— Знаете что? — сказала она. — Иногда журналисты задают удивительные вопросы. Один ваш коллега спросил у меня как-то: а какой кпд у культурной работы на селе? И вам, видно, хочется узнать, что за кпд, как достигается? Мы все покажем и расскажем.

Истоки

Теперь, наедине с листом бумаги, я связываю два здешних события 1922 года. В том далеком году молодой музыкант из Великих Лук Сергей Кайдан-Дешкин написал нынче уж всемирно известную песню «Взвейтесь кострами, синие ночи...», а неподалеку в деревенской школе мальчик Миша Никифоров вступил в пионеры. И дальше в жизни своей ни от чего не остался в стороне Михаил Никифорович Никифоров. Ни от комсомольских дел, ни от участия в коллективизации, ни от святой работы сельского учителя, ни от войны — был сначала пулеметчиком, а потом комиссаром партизанского отряда здесь же, в родных местах. Есть у него в характере одна примечательная особенность: он не мыслит своей жизни без общественной работы.

В Пустошку он приехал директором школы четверть века назад. В учительском коллективе обнаружил подлинную страсть в области поиска духовных ценностей. Вера Гавриловна Логинова, преподавательница литературы, составляла литературную карту Псковской области. Описание этой карты — целая особая тема, поэтому напомним главное: здесь уже в XII веке были начаты и на протяжении столетий писались Псковские летописи, а с прошлого века сельцо Михайловское, юношеская обитель Пушкина, стало столицей русской поэзии. На

карте Веры Гавриловны это, конечно, самые высокие вершины... Тоже здешних мест учитель Виктор Михайлович Русаков работал над рукописью книги «Потомки Пушкина», теперь она уже вышла в свет, и без нее не мыслится наше пушкиноведение.

Это только два примера. Но по таким примерам равняются окружающие.

Словом, почувствовал себя Михаил Никифорович здесь так, будто в свой полк прибыл.

Жить учителям было интересно. Работать трудно: в те годы их питомцы, окончив школу, безоглядно бросали деревню, дачниками приезжали в родные места, на зиму заколачивали ставни или без особых сожалений продавали на дрова отцовские и дедовские избы, дрова, колодцы.

А учителя создавали в тогда еще стареньком пустошкинском Доме культуры литературный клуб. Позднее они назовут его «Свеча» — в честь той свечи, что стоит на письменном столе в пушкинском кабинете в Михайловском. Михаил Никифорович стал писать сценарии литературных вечеров для школьников, для взрослых, для выездов в сельские клубы.

Теперь остановимся на минутку. Разумеется, никто не собирается утверждать, что пустошкинские учителя только своими усилиями остановили миграцию молодежи из деревни в город. Для этого потребовалось многое. Были решения XXV съезда КПСС, постановления о Нечерноземной зоне, ряд Плenums ЦК КПСС по сельскому хозяйству — они изменили сельскую жизнь. А учителя — они ведь первые посредники между государством и ребенком. Они делали то, что могли и должны были: заполняли деревенские вечера интересными делами. То есть занимались тем, что мы называем теперь «комплексным воспитанием»: постоянно, в школе и вне школы, учили ребят быть честными, любить родной край и родной дом, чувствовать родную литературу и помнить главное: твоя земля — это твоя земля и хлеб, выращенный твоими руками, — это неизмеримая ценность. Земля и хлеб не могут быть для человека чисто экономическими категориями. Если человек не только стремится получить от земли «мное», а научается государственному чувству ответственности, земля и хлеб становятся понятиями моральными...

...И вот стала молодежь возвращаться в деревню. Окончив институты, приехали домой Мария Зверева, Валентина Пузыня, Валентина Гульгяева. Истинно псковские характеры — романтичность в них отлично уживается с чувством юмора, мечтательность с ответственностью. Природа наделила их умом и пониманием прекрасного, государство воспитало коммунистами с высокой сознательностью. Теперь уж больше двадцати лет они работают в Пустошке. Были сельскими учительницами, инспекторами роно, потом оказались в районном центре на разных участках идеологической

и культурной работы. Каждодневные дела их не подсчитаешь на арифмометре, и радость отдачи приходит к ним не скоро. Но они знают: для того, чтобы человеку не было скучно самому с собой, нужно время — ровно столько, чтобы стать культурным и интеллигентным. Между собою они дружны, в дружбе взыскательны и справедливы. Она говорит о другой:

— Она необыкновенный человек, настоящий борец, истину отстаивает с любыми для себя потерями, и широта ее духовных интересов захватывает всех, кто оказывается в поле ее зрения.

В круге света

Пустошкинский клуб «Свеча» возглавляет Мария Семеновна Зверева. Собираются раз в месяц, в библиотеке или в новом, светлом, теплом, с цветами на низких подоконниках Доме культуры. К встрече готовятся тщательно, при свечах читают новые стихи, делают доклады о новых книгах, по-новому вспоминают старое, открывают неизвестное в известном. Но это лишь одна сторона деятельности «Свечи». А от другой широкими кругами идут по району литературные вечера, посвященные Пушкину, Мицкевичу, поэтам-декабристам, Некрасову, Салтыкову-Щедрину, Блоку, Шолохову, Шукшину, Василию Быкову, Белову, Абрамову, Распутину, Астафьеву... Творчество этих писателей, избранное «Свечой» для сельской аудитории, выстраивается в единую линию, лучшую линию русской литературы — добра, совести, чистоты.

С литературными программами «Свеча» выезжает в колхозы и школы района, а в самой Пустошке собирает много слушателей, и дни эти для Пустошки — как красные числа в календаре.

Ни один вечер не бывает повторением другого. Когда появился сборник стихов псковского журналиста и поэта Виноградова «Костры и ветры», «Свеча» пригласила автора в гости. Встречу устроили в лесу, в излучине Великой. Виноградов стал читать свои стихи. А тут и ветер поднялся — и в жизни было, как в стихах, а в стихах, как в жизни. В такие дни и вечера под будничной привычностью проступит вдруг затаенная красота родного края, вспыхнет от искорки костра или стихотворной строки и навсегда останется в душе.

Драгоценная цепочка

Успех и пример «Свечи» растревоживает людей. Хочется уйти от штампов в работе, придумать свое. Валентина Марковна решила однажды устроить праздник для пионеров. Их в Пустошке восемьсот — в двух школах. К празднику готовились отряды горнистов

и барабанщиков. В Дом культуры промаршировали нарядные дружины. На сцене включился большой пионерский костер, без дыма, без искр, но с иной романтикой — с той, что дает людям обобщающее искусство театра. Этот символический костер заиграл на лицах ребят отсветами пламени всех костров революционных и партизанских лет. Дружины сели вокруг него тесными рядами. И тогда пришли к ним партизаны — те, кто в 1943 году в День Красной Армии под боком у регулярных немецких частей устроил партизанский парад. В тот день в Доме культуры родился один из самых больших клубов и от этого дня и от многого другого было дано ему имя — «Костер», и гимном клуба, как и положено, стала песня-землячка «Взвейтесь кострами». Общий пионерский праздник клуба проводится в государственные праздники, и участвуют в нем родители, старшие и младшие братья и сестры — вся Пустошка.

— ... Вчера бы вам приехать! — сказала Мария Семеновна, — вот и услышали бы, как Наташа Голикова говорила всем нашим районным культработникам о Бетховене и как она играла.

— Кто такая Наташа Голикова?

— О! Наташа! Вообще-то ей всего тринадцать лет, она учится в седьмом классе и еще в музыкальной школе. Здесь, в Доме культуры, ведет детский музыкальный клуб «Лира», любит литературу, и, право, было бы у нас совсем не то без Наташи.

— ... Я, конечно, детский музыкальный клуб «Лира» вести-то веду, — рассудительно сказала Наташа, — но без Татьяны Михайловны Корольковой это было бы примитивно и шаблонно. Она преподает в музыкальной школе, талантливая и добрая. Музыку ведь мало любить, если хочешь «заразить» других, ее знать надо. В «Лире» у нас занимаются главным образом старики...

— Наташа! В детском клубе?

— Ох, простите, это мы так учеников старших классов музыкальной школы называем, так что я тоже старуха. Больше всего любим музыкальные викторины, для «Лир» готовим вопросы посложнее, а когда приглашаем всех желающих в зал, то и попроще. «Лира» возит свои концерты в сельские школы. Встречают нас по-разному, а провожают одинаково: «Приезжайте опять». Прямо не верится, что это те самые ребята говорят, которые перед началом концерта ворчали на нас: «Опять классику пиликают будут». Мы уже знаем — не надо смущаться, и «пиликаем» так, чтобы за сердце брало. О Бетховене? Да, у меня есть ему посвященная программа, готовила для «Лир», перед взрослыми выступила впервые, и если им понравилось — рада...

Люди, так или иначе связанные с РДК, считают: чем раньше дети полюбят искусство, тем прочнее войдет оно в них на всю жизнь. Поэтому пустошкинцы ведут детей в Дом культуры чуть ли не с того возраста, когда они поперек лавки лежат. Методист Дома пионеров Валентина Михайловна Седунова руководит клубом октябрят, и они

тут с утра до вечера ходят табунами, солидные и независимые, проводят парады «октябрятских войск», празднуют «дни красного галстука», интернациональные дни под названием «Всех республик октябрята очень дружные ребята», танцуют, играют в спортивные игры...

Михаил Юринов, председатель районного спорткомитета, тоже в своем рабочем плане считает важным делом занятия с детьми и тренирует по футболу четыре группы первоклассников. В детском саду, куда ходит его сын, пригласил перспективных футболистов и теннисистов. Со взрослыми он, марафонец и вообще большой поклонник энергичного движения, занимается бегом здоровья, даже сама Мария Семеновна под его влиянием по утрам резво бегают на стадионе. В спортивном клубе РДК у него систематически занимается больше 200 человек!

— Нынче мы пробиваем в Пустошке спортивную школу, — говорит Михаил, — и обязательно пробьем. Городок наш спортивный и, следовательно, в достижении цели упорный.

Есть еще в РДК клубы «Ветеран» и «Мужество». «Ветераном» руководит, конечно, Михаил Никифорович Никифоров, и состоит он в большой дружбе с молодым капитаном из райвоенкомата Александром Александровичем Обтягиным. У Александра Александровича в «Мужестве» занимаются допризывники и молодые парни, демобилизовавшиеся из армии. Клуб «Мужество» работает под лозунгом «Славу отцов — делам сыновей». Оба председателя рассказывают, что демобилизованные ребята нынче почти все возвращаются по домам и не скрывают, почему вернулись: в Пустошке интересно!

По примеру своего РДК они в своих подразделениях организовывали разные клубы. А теперь с новым рвением занимаются вечерами здесь — в библиотеке, в спортзале, в кружках самодеятельности и в «Свече».

Уголок России

Деревня Щукино чем-то похожа на ту, в которой я родилась и росла. Только моя погибла в пламени войны и не возродилась... А здесь на пологих холмах цветные дома с белыми наличниками, вдоль улицы березы да клены.

В щукинский Дом культуры входишь, будто в русский терем. С потолка вдоль стен заостренными планками спускается деревянная обшивка, по дереву выжжены картинки сельской жизни.

— Кто же это вам так хорошо все придумал? — спрашиваю Виктора Васильева, директора дома.

— Сами, художника у нас нет.

Виктор родился в Щукине, школу закончил здесь же и уехал

в Псков, в культпросветучилище, с мыслью по окончании вернуться домой, к своим озерам и лесам. В Доме культуры его ждали голые стены да сломанный магнитофон. А теперь маленькое фойе украшено цветами, и то, что называется «наглядной агитацией», а здесь — «Почет им и слава», «Вести с полей», «Что, где, когда» — сделано с подлинным художественным мастерством. В уголке фойе небольшой подиум. В момент нашего приезда на нем утеснился вокально-инструментальный ансамбль «Лель»: Юра Дмитриев — токарь и электросварщик колхозной мастерской, Сергей Поплеухин — главный инженер колхоза «Весенний луч», Николай Осипов — столяр колхозной мастерской, Владимир Никандров — механик-оператор колхозного тока, и трое Васильевых — сам Виктор, его брат Саша — линейный монтер, и жена Виктора Тамара — художественный руководитель ДК. Взяли инструменты и без всяких там «дабадабада» просто и славно запели:

Простор небесный сизокрыл,
Тишина кругом...
Мне уголок России мил,
Мой добрый отчий дом.

Слова и ноты этой песни они нашли в газете и начинают ею свои концерты, потому что песня эта — о главном для них, о том, что любят, во что верят, ради чего живут и работают здесь. Они пели, а мне ужасно хотелось плакать от растроганности и переполненности чувств.

Ребята наперебой рассказывали, что у них в ДК прекрасная стереоаппаратура и три раза в неделю, после кино, молодежь до упаду танцует здесь. А самое веселое время — студенческие каникулы; те, кто учится, конечно же, приезжают домой, и тут уж актив ДК старается для них всею: пусть знают, что после института дома скучать не придется.

— Молодежи у нас много, комсомольская организация активная, студенты после институтов в Щукино тянутся, демобилизованные возвращаются. Можно и театр свой организовать и литературный клуб.

— Вот он, кпд культурной работы на селе, — поставила точку над «и» Мария Семеновна: — Они все возвращаются в деревню. А я об одном мечтаю — чтобы было среди молодежи побольше таких, как Виктор. За свои тридцать лет он много доброго сделал для людей. Он ведь и поэт и композитор — сам пишет для своих песен музыку. Голос у него — слышали какой хороший. Художник: рисует, пишет шрифты, режет и выжигает по дереву. Член правления колхоза и в те дни, когда в ДК нет вечеров, помогает колхозу сеять и убирать сено, хлеб, лен...

...Ехал автоклуб лесною дорожкой в Ночлегово и пел. Автоклуб здесь отнюдь не клуб автолюбителей, а клуб на колесах, специально оборудованный автобус. На этот раз ехала агитбригада Пустошкинского РДК в деревеньку, где своего клуба нет, а в домике библиотеки есть маленькое помещение со сценой, и зальцем этим на общественных началах с большим рвением занимается библиотекарь Мария Николаевна Бандурова.

Зал был битком набит, и Мария Николаевна мобилизовала трактористов на доставку стульев из соседнего дома. А потом агитбригада в коротких сценках, стихах, частушках развернула яростную агитационную работу против всего, что мешает жить, и горячо ратовала за тех, кто украшает жизнь своими делами. Были проявлены не только пылкие эмоции, но и подлинный артистизм.

— Откуда такая одаренная молодежь? — спросила я Марию Семеновну.

— Отсюда же, из наших пустошкинских деревень, — сказала она, — окончили Псковское культпросветучилище, и вот видите — какая славная у нас смена.

Так от районного Дома культуры до самой маленькой деревеньки тянется драгоценная цепочка культурной работы, и сотни людей вкладывают в нее свой труд и талант. И главное звено в ней — желание и умение жить полноценно.

* * *

...— Ну, как там Пустошка? — спросил Игорь Иванович Железнов в Пскове.

— Спасибо, хорошо, — вежливо ответила я, будто и не совершила никаких открытий. — Я хочу расспросить вас о Псковском культпросветучилище.

— В нем два отделения: библиотечное и клубное, последнее с театральной, хоровой, оркестровой и хореографической специализацией. Каждый год выпускается сто пятнадцать человек, пятеро — для соседних областей, сто десять — для Псковской. Оседают они в селах прочно, за десять лет только сто двадцать семь человек переехали в другие места и все — по семейным обстоятельствам, короче говоря, женились и замуж повыходили. А остаются вот почему: на мой взгляд, их правильно распределяют — туда, где уже образовался культурный центр, где есть сельская интеллигенция. В деревушке, где несколько домов, культурная работа бесперспективна, а уж молодежь — то из этой деревушки в хороший соседний клуб непременно доберется. Правильно распределить на работу — значит помочь укорениться. В училище известен такой случай: одна девушка заявила, что не может ехать в деревню, потому что там печки, а она их никогда не

топила. Дали ей комнату в одном из колхозов, где уже есть паровое отопление, вот она и живет там, хорошо работает. Молодежи надо помогать.

...Наверное, я покажусь наивной профессиональным работникам культуры, мне скажут — примеров, подобных Пустошке, не так уж и мало. Скажут, что я пристрастна, и будут правы: я полюбила Пустошку и чувствую себя астрономом, открывшим маленькую новую звезду. Имей я на это право, я бы всех-всех пригласила в Пустошку — учиться просто, без пышных фраз любить родной дом. Потому что у многих из нас дом наш отчич и дедич — деревня. И, как поется в одной из местных песен, которых здесь много:

Быть может, начинается Россия
С пустошкинских раздолей и полей...

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Республики Советской Прибалтики отпраздновали свое сорокалетие.

Сорок лет — зрелая творческая пора. Вершина же творчества — сам человек. Здесь рассказывается лишь о троих — о ровесниках социалистических преобразований.

Цена подошв

Лионгинас Пажусис — он заведует кафедрой английского языка Вильнюсского университета — был приглашен в США, в Буффало, прочитать курс лекций по лингвистике в тамошнем университете. Пажусисом живо заинтересовались журналисты. В Чикаго к нему подошел корреспондент реакционного («оголтелого» — так сказал Пажусис) эмигрантского журнала, издающегося на литовском языке.

— Мы убедились,— мирно начал он,— что Советская власть много дала Литве. Но почему все-таки Литва вошла в состав Советского Союза, а не осталась отдельным государством?

— В 1940 году вы были еще в Литве? — спросил Пажусис.

— Да.

— А может, вы даже голосовали за депутатов того Народного сейма, который обратился потом в Верховный Совет СССР с просьбой принять Литву в состав СССР?

— Голосовал.

— В таком случае я должен вас поблагодарить. Спасибо за то, что и ваш избирательный бюллетень помог Литве стать такой, какая она ныне. Напомню, видимо, уже забытую вами статистику: по переписи 1940 года, в Литве насчитывалось более ста восьмидесяти тысяч вовсе не грамотных и двести двадцать три тысячи малограмотных. Из крестьян и рабочих, разумеется. Теперь неграмотных и малограмотных у нас нет. За годы Советской власти в Литве подготовлено двести пятьдесят тысяч специалистов среднего звена. А Вильнюсский университет, который я окончивал и в котором теперь работаю, за послевоенные годы выпустил тридцать тысяч специалистов с высшим образованием. Не помните ли, сколько инженеров подготовил Каунасский политехнический за два десятилетия буржуазной власти? Скажу: триста три инженера. А сейчас их у нас в республике сорок три тысячи. Итак, еще раз спасибо!

...Мы сидим с Пажусисом в помещении кафедры английского языка, а находится она в том университетском здании, где на фронтоне написано по-латыни: «Дом филологии». За дверью кипит работа: художники расписывают в черно-терракотовых тонах Вестибюль муз. В глубине души хочется невозможного — вернуться в невозвратный возраст, поступить в этот университет, стать одной из шестнадцати тысяч его питомцев. Не гостьей, а хозяйкой расхаживать по темноватым старинным коридорам, по солнечным квадратам мощеных дворов. Очень уж он юный и поэтичный — этот четырехсотлетний университет! И, как во всем Вильнюсе, живет здесь гармония прошлого и настоящего...

Лионгинас Пажусис выскивает «окна» между лекциями и консультациями, благодаря этим «окнам» мы и заглядываем в его жизнь, даже в самые дальние ее уголки.

До 1940 года родители Лионгинаса работали в многоземельном имении епископа, отец — кучером, мать — служанкой. Лионгинас родился весной, в канун лета. А жаркое лето 1940 года словно расплывало старые устои, знойный ветер сломал перегородку, отделяющую слуг от господ, и Литву будто омыло освежающим дождем. Отец Лионгинаса, Пятрас, поступил рабочим на железную дорогу. Мать еще какое-то время оставалась верна религии, учила сына непонятным католическим молитвам. Но во время оккупации был арестован дядюшка Лионгинаса — советский депутат Кайшядорского горсовета, мать кинулась к ксендзу за помощью. Тут-то ей и пришлось прозреть: священник попросту выгнал свою прихожанку. Потом мать сердито говорила:

— Ксендзы!.. В проповедях так превозносили добро, а сами фашистским убийцам помогали...

Войну Лионгинас помнит по рассказам. Но есть и собственное, правда, смутное воспоминание: фонтанчики горячей пыли у самой

стройках, стремятся побольше узнать о нашей живописи, музыке, скульптуре. Расхваливают литовское искусство витража. О новых заводах говорят: «Это в Литве-то, стране кустарных мастерских!» Их поражают большие поля вместо крестьянских лоскутков, урожаи до 30 центнеров с гектара вместо 10—12.

Во время канадских и американских встреч, — продолжает Лионгинас, — меня заинтересовали проблемы развития литовского языка в Северной Америке. Странный он там, окаменелый, неразвивающийся, несмотря на все усилия сохранить и развить его. Меня занимали чисто профессиональные проблемы: кодовые переключения языков, их взаимопроникновение в зависимости от социальных условий, их жизнеспособность и нежизнеспособность...

Десять лет назад Лионгинас Пажусис защитил диссертацию «Фонетическая и морфологическая интеграция английских заимствований в языке литовцев Северной Америки». Сейчас пишет докторскую — «Литовский язык в Северной Америке». Вместе с тем молодой вильнюсский ученый стал известен в англоязычных странах как знаток американского варианта английского языка. Лионгинас читает курс лекций по этой отрасли языкознания не только в СССР, но и за рубежом. И еще: недавно вышел в свет сборник стихотворений Саломеи Нерис в английском переводе Лионгинаса Пажусиса. Эпиграфом к сборнику он выбрал начало стихотворения: «Маленький мой край — как золотая капелька густого янтара...»

— Было время, когда в результате эмиграции литовцев за границей оказалось почти столько же, сколько в Литве, — возвращается к главной теме разговора мой собеседник, — теперь за пределами Литвы их все меньше и меньше. Многие перебрались на родину. А в эмиграции старшее поколение уже умерло, младшее ассимилируется. И ассимилируется, растворяется язык. Вряд ли он еще просуществует в Америке более нескольких лет.

Однажды за океаном Лионгинас Пажусис познакомился со своим сверстником-литовцем, преподавателем университета. Казалось бы, чего еще? Но тот жаловался:

— Среди преподавателей я чувствую себя человеком второго сорта. Вынужден к ним приспосабливаться и всюду искать выгоду — здесь модус жизни таков. Это наши отцы виноваты: зачем вывезли нас из Литвы?!

На кафедре у Пажусиса занималась девушка, которую эмигранты-родители не взяли с собой, оставили совсем маленькую. Став взрослой, она разыскала родителей, вполне зажиточных людей, и уехала в Америку. Однако через три года вернулась в Литву и вновь поступила в университет. Ее спросили: как же она смогла оставить родителей? Девушка ответила:

— Там люди не умеют любить. И цветы не пахнут.

Теперь она уже окончила университет, живет и работает в Вильнюсе.

— Одних эмигрантов мне бывает искренне жаль,— говорит Пажусис,— другие оставляют какое-то тягостное впечатление. «Оголенные» еще продолжают свои наскоки. Только вот поводов для наскоков становится все меньше. Развернули было кампанию «против запрета религии» — провалились: в Литве религию никто и не собирался запрещать. Теперь пробуют оседлать другого «конька».

— Говорят, у вас в Литве с одеждой не очень-то важно... — сказал однажды Лионгинасу один американский «соотечественник».

— С чего вы взяли? — удивился не придающий первостепенного значения моде Пажусис. Потом понял, внимательно оглядел себя и собеседника, согласился.

— Да, галстук у меня не так блестящ, как ваш, и подошвы попроще. Но у моих подошв есть незаменимое преимущество: завтра, когда я сойду с самолета, они крепко встанут на литовской земле.

Человек-молния

Чтобы попасть в кабинет к заместителю технического директора производственного объединения ВЭФ, надо миновать длинный коридор. Вдоль стен здесь высятся на подставках красивые, темно-коричневые с темно-синим табло, время от времени на них вспыхивают красные и зеленые цифры. Ниже стоят ряды приборов, похожих на пишущие машинки, с клавишами и кнопками. В глубину коридора уходят алюминиевые контейнеры, явно готовые принять в себя всю эту аппаратуру и отправиться в путешествие.

— Рабочее время у меня расписано по минутам,— прохладно сказал мне Петр Видениекс,— поэтому если вас интересует то, что стоит в коридоре — а это система «Гимнаст», — попробуйте в ней разобраться и тогда уж приходите ко мне.

Видно, сухость и краткость — неперенные качества делового человека, решила я и, «спрятав в карман» легкое разочарование, начала «раскусывать» «Гимнаст».

Все мы помним — видели хотя бы по телевизору, — как спортивные судьи писали свои цифры на записочках, потом совещались и выводили среднюю оценку. На Олимпиаде в Монреале они пользовались уже калькуляторами и табло.

— А на Московской Олимпиаде судьи будут только нажимать кнопки оценок, все остальное делает электроника,— рассказывали инженеры из группы Видениекса.— Наш «Гимнаст» скоро уедет в Москву, в Олимпийский центр. «Гимнаст» прост, корректен, беспристрастен и точен — словом, клад для спортивного судьи.

212 единиц разных устройств: пульт директорской связи с 35 або-

нентами, дисплеи жюри и секретариата, аппаратура автономных подсистем многоборья, судейские пульта, пульт арбитра с кнопками одобрения и неодобрения, пульт секретаря, информационное табло, микро-ЭВМ и прочее и прочее — все это сделано здесь, на ВЭФе, все радует глаз прекрасным дизайном и в обращении воспринимается столь же несложно, как кнопки и тумблеры наших телевизоров.

Петр Видениекс дал нам несколько листов с отзывами иностранных фирм, которые ознакомились с «Гимнастом» в Женеве, на выставке «Телеком». Там было все по последнему слову техники, но ничего похожего на «Гимнаст». Отзывы представителей фирм заканчивались пожеланиями успеха Олимпиаде-80.

«Фантастический компьютер оценок!» — написал Билл Пофеза из американской фирмы «Моторола». «Необычное и отлично продуманное техническое решение» — это Дональд Ульман, США. «Было интересно с технической точки зрения ее использования» — Раймо Тули, президент «Телефенно», Финляндия. «Какие формы!» — Фюмон Шнайдер... И так далее все в том же духе.

В чем смысл «Гимнаста»? Существует принятая в судействе базовая оценка. Судья, исходя из нее, нажимает кнопку «Гимнаста» — сбавляя эту оценку за нарушения, прибавляя за риск, выразительность, за оригинальность. Если ошибся или передумал, может стереть оценку и поправить. На своем дисплее он видит все, что у него получилось, и, если что не так, делает коррекции. По каналам связи информация идет на дисплей арбитра, а от него на световое табло для зрителей. Вся информация остается в памяти машины. Машина же распечатывает протоколы, которые раздаются судьям.

Впрочем, пытаться описывать вершины техники — неблагоприятное занятие: уж если знатоки считают «Гимнаст» фантастическим, то гуманитариям за лаконичными линиями пультов и табло непременно будет мерещиться какая-то сверхъестественная сила. К тому же скоро мы все — воочию или по телевизору — увидим его в действии.

«Гимнаст» был сделан быстро, а задуман давно, история его связана с жизнью и работой Петра Видениекса, и пора уж нам познакомиться с этим человеком поближе.

— Старайтесь не опаздывать, но раньше времени тоже к нему не приходите, — напутствовали нас. — Точность — пункт Видениекса. И скорость. На заводе его зовут «человек-молния». У него даже походка особенная — будто летит, а не идет. Продумайте вопросы — на праздные ответы он неспособен.

Увы... Рига была так хороша в весеннем наряде, в разливах пылающих тюльпанов, что я не удержалась и задала заместителю технического директора самый праздный из вопросов:

— Любите ли вы Ригу?

Петр Видениекс поднял на меня строгие глаза и неожиданно улыбнулся:

— А как же? Я ведь рижанин и чем старше становлюсь, тем больше ее люблю. Со всеми шпильками и петушками, готикой и барокко, музыкой, запахом парков. Люблю музеи и театры, яркую толпу на улице. Пригороды, где зимой бегаю с сыном на лыжах. Море и Юрмалу...

Вот тебе и сухарь-технарь!

Он рос в семье, где все должно было привести его к выбору гуманитарной профессии. Его дядя, народный артист Латвийской ССР Алфред Видениекс, водил его в свой театр — имени Упита, ходил с племянником и в другие театры. Алфред Видениекс — мастер психологических образов, художник тонкий и серьезный. Петр с детства прислушивался к его оценкам спектаклей, фильмов, концертов, выставок. Мера художественных ценностей в семье сформировалась давно и точно.

— Неисчерпаемый кладезь духовного богатства для меня Ленинград, — рассказывает Петр Видениекс, — одного только Эрмитажа хватит на всю оставшуюся жизнь. Люблю ленинградские, московские театры и наши рижские. Помощник режиссера театра имени Райниса Карлс Аушкапс — мой добрый приятель, он напористо вовлекает меня в проблемы современной драматургии. А главным театральным авторитетом остается дядя Алфред. Люблю латышских художников, и старших и молодых, за их способность радовать и удивлять. Почему в таком окружении я все-таки стал инженером? Ответ прост. Рига с давних пор город электротехнический, а в те годы, когда я учился в школе, бурно «выходила в люди» электротехника. Радиоприемники из огромных превращались в портативные, телевизоры с мини-экранов переходили на макси. Работа с такими вещами, думалось мне, всегда будет давать зримую, реальную отдачу. Может быть, я бессознательно выбирал ее именно в противовес длительным процессам отдачи в искусстве.

Электротехническое нетерпение заставило Петра Видениекса после восьмилетки поступить в техникум, оттуда — в Рижский политехнический институт. На ВЭФ он пришел инженером по разработке радиоаппаратуры и нестандартной аппаратуры радиопроизводства.

— Прозвали меня «молнией», еще про точность мою говорят, про требовательность к себе и к другим, — усмешается Петр Видениекс. — Но можно ли мириться с небрежностью и медлительной мечтательностью в нашем производстве? Это значит — сознательно обречь себя на вечное прозябание в хвосте. Работа наша самым тесным образом переплетена с наукой. Я — за науку! Но только сначала сделай продуманное тобою, внедри, убедись, что работа твоя результативна, необходима, тогда и защищай диссертацию. Боюсь пустых затей...

Человек последовательный, сам он так и поступает. Занимается электротехническими системами. За создание и внедрение системы высокопроизводительного массового радиопроизводства был в

1973 году удостоен Государственной премии СССР. Уже в то время думал о проблемах спортивной судейской аппаратуры. Предшественник теперешнего «Гимнаста», сконструированный Видениексом, обслуживал Универсиаду-73. «Гимнастом» заинтересовался Главспортпром, ВЭФу предложили заняться аппаратурой для Олимпиады-80. Задолго до нее надо было предугадать, какого уровня достигнет электротехника в 1980 году.

— Мальчики, — сказал инженерам Видениекс, когда его назначили главным конструктором «Гимнаста», — придется нам вместе пуд соли съесть.

Пуд соли — наверное, не один — был съеден. Группа инженеров и конструкторов, работавшая над «Гимнастом», стала единым организмом. Им действительно удалось предугадать технику будущего.

— Мальчики, — говорил Видениекс, — изобретать велосипед у нас нет ни времени, ни необходимости. Давайте проникнемся мировыми аналогами: они полезны. А если и не отыщем нужного нам, не беда: мы ведь инженеры, сами придумаем.

Им часто не хватало деталей — особых, еще неизвестных.

— Я пока не встречал такого отдела снабжения, — говорил в таких случаях Петр, — который принес бы на блюдечке с голубой каемочкой несуществующие детали. Будем делать своими силами.

И вот «Гимнаст» закончен и показан на высшем уровне мировой техники в Женеве. Приняты поздравления, добрые пожелания. Теперь на ВЭФе создается автомат, способный в течение одной-полтора минут измерить все параметры радиоприемника: точно и с распечаткой. Восемь таких машин обслужат все приемники ВЭФа...

— За это время как на положительном, так и на отрицательном опыте я понял смысл очень важной работы — организации производства. Руководитель должен быть всесторонним человеком. Мудрым и добрым. И требовательным! Обязательно высокообразованным: уметь не только выдвигать проблему, но и решать ее. Учиться надо всем, все время, каждый день. Вы спрашивали: как я понимаю слово «гуманизм»? Естественно, как ненависть к войне. Как стремление сохранить мир. Как желание помочь страдающему человеку. Совместно с врачом Фомой Григорьевичем Портновым мы разрабатываем аппаратуру для медицинской диагностики, думаем над приборами, которые помогут человеку расслабиться в стрессовых состояниях. Помощь человеку должна быть конкретной. Гуманизм — это наши полезные, добрые дела и поступки. В наших руках огромная техническая сила. Она должна служить здоровью человека, расширению кругозора, развитию культуры.

Зазвонил телефон. Петр Видениекс закричал в трубку:

— Имант? При чем тут приказ?! Я прошу тебя, уговариваю, наконец, умоляю! Да, конечно. Спасибо тебе от всего сердца.

Такой он — заместитель технического директора ВЭФа. Коммунист. Добрый и талантливый деловой человек.

Право быть прототипом

Накануне было холодно, и только что распустившиеся деревья сжежились, затаились из осторожности. А наутро, когда Ааре, водитель из Министерства сельского хозяйства Эстонии, повез нас в совхоз «Адавере», было такое ощущение, будто бы мы летим в самолете среди бело-зеленых кучевых облаков: потеплело, и сразу пал на землю черемуховый цвет. Темными крыльями разлетались от дороги мягкие пашни, и теплый золотой свет пронизывал зеленый туман роц.

В «Адавере», в отделении Эску, мы спросили, где найти Ээви Нейланд.

— А вон она идет, видите, с цепью в руке.

Облик Ээви был противоречив. Невысокая, крепенькая, но стройная. Походка будто неспешная, медлительная, а приближалась она к нам очень быстро. От нее, как от Моны Лизы, веяло женственностью, а растрепанные ветром волосы и свежий синяк под глазом придавали ей облик озорного мальчишки: этакий Тоотс из «Весны» Оскара Лутса.

Я разлетелась знакомиться, но Ээви улыбнулась, извинилась и сказала:

— Одну минутку, я только этого черта ображаю и тут же вернусь к вам.

Она сошла с дороги в юный яркий луг, а я осталась в некотором недоумении — чертей вокруг что-то не наблюдалось, напротив, все было вполне пасторально: у залитой черемуховым цветом опушки паслись коровы. Но именно туда и устремилась Ээви. Дальнейшее заняло несколько секунд. Ээви шла с цепью прямо на громадного темно-бурого быка, а он, пригнув голову и выставив рога, шел прямо на Ээви. Я только было раскрыла рот, чтобы заорать, а уже Ээви схватила быка за рога, притиснула его башкой к земле, обмотала шею цепью, отвела, как овечку, на предназначенный участок, одной рукой вдавила в землю железный штырь, привязанный к коему бык стал мирно пастись, и Ээви вернулась к нам.

— Ну, вы... прямо тореадор... право, — пробормотала я. — Это он вас в глаз саданул?

— Нет, — махнула рукой Ээви, — он трус и донжуан, совсем от тепла ошалел. Глаз мне моя любимая корова подголубила, пока я ей мыла вымя, — редчайший случай точного попадания. Наверное, чтобы я впредь любимчиков не заводила.

Она покосилась на фотоаппарат и ухмыльнулась:

— Ладно, попробую запудрить. Пошли в дом.

У порога ее облепили ребятишки в спортивных костюмах — не понять, сколько и кто мальчик, а кто девочка: все из той же серии лутсовских Тоотсов. В доме булькала и подрагивала коричневая коляска.

— Полно тебе кряхтеть, старик, — сказала Ээви, извлекая из коляски шестимесячного Ивара, и поместила его на руки восьмилетней Катрин. Одиннадцатилетний Хиллар заставлял всех нас нюхать букет черемухи.

— Вас тут много, — сказали мы, — скучать некогда.

— Это еще не все, — похвасталась Ээви, — моему старшему, Валдису, скоро восемнадцать, он по совхозной путевке учится в Тихеметса — в сельхозтехникуме, скоро вернется домой специалистом по механизации сельского хозяйства, я и охнуть не успею, как стану бабушкой. В черную дыру, что ли, время проваливается?

Так в первые десять минут знакомства Ээви успела проявить недюжинную отвагу и эрудицию.

— Вроде бы при вашей работе и четырех детях читать вам совершенно некогда, но чувствуется, вы много читаете? — спросила я.

— Ай, не говорите — запоем и бессистемно. Сегодня, например, до четырех утра читала книжку «Бату-хан», сын принес из школьной библиотеки, это про монгольское нашествие, знаете? Муж дважды просыпался и бранился: свет ему мешал. А я оторваться не могла.

— А в четыре часа — на ферму?

— Обычно да, но сегодня у меня выходной, так что я выспалась. Детей муж накормил и в школу отправил, а я спала до самого партийного собрания, оно у нас утром было.

— Вы член партии?

— Конечно. Еще когда учительницей работала, вступила. Сегодняшнее партийное собрание было очень важным, обсуждались решения Пленума ЦК КПЭ по животноводству. Это всех нас за живое берет. Хочешь как лучше, но жизнь есть жизнь, издержек не избежать. Три года назад на моей доильной площадке были хорошие удои — до четырех тысяч трехсот килограммов от коровы. Потом из-за морозных зим в республике удои стали падать. Нам этого в общем-то удалось избежать, однако неправильное отношение к кормлению привело к некоторому уменьшению стада, и удои все-таки понизились: в прошлом году мы получили в среднем на корову три тысячи семьсот пятьдесят килограммов. Сами понимаете, это потеря в пределах хорошей нормы. Но обидно. Могли бы мы сейчас быть наравне с теми хозяйствами, что получают уже больше пяти тысяч килограммов. Преодолеем, конечно, уже нынче подойдем к четырем тысячам, а там, глядишь, и дальше. Потенциальная продуктивность эстонского высокопродуктивного скота огромная, это я вам как зоотехник говорю,

надо только не терять критического отношения к работе, не зарываться...

Так кто же она, Эви Нейланд? Учительница? Зоотехник? Оператор машинного доения?

Все вместе.

...Неподалеку от «Адавере» находится бывшая мыза Ания — мощнейший очаг эстонской крестьянской борьбы против остзейских помещиков в прошлом веке. Эви не рассказывала, что было с ее предками в той борьбе. Но в 1918 году дед ее, Александр Рийпас, был среди революционных крестьян, которые выступили против помещиков. В 1940 году отец, Василий Рийпас, получил от государства участок земли — до этого он был безземельным, батрачил у кулака, — стал новоземельцем и, следовательно, тоже революционером. Дядя, Юхан Рийпас, был избран волостным парторгом.

Весной 1940 года в семье Рийпасов произошло еще одно событие — родилась Эви. А год спустя Василий Рийпас ушел в Красную Армию, на войну. Дядя Юхан остался в подполье.

— Его убили местные фашисты в самом начале оккупации, — сказала Эви.

Отца демобилизовали в 1947-м, когда дочке было семь лет.

— Первое время я его боялась, — вспоминает Эви, — он очень громко говорил, потому что был контужен, плохо слышал, и ему казалось, что его тоже не слышат. Вскоре его выбрали председателем колхоза, он устраивал и устанавливал колхозные дела вместе с мамой: она пошла дояркой в колхоз. Бесстрашные они у меня, никаких «лесных братьев» — мародеров и убийц — не боялись. Теперь оба на пенсии.

После семилетки Эви по молодости лет из деревни уехала.

— Потянулась за другими, но со свойственным мне максимализмом: уж если из деревни, то только в Таллин. Окончила торговый техникум, стала работать товароведом. Не понравилось. Вернулась домой, пошла в двенадцатый, педагогический, класс, а потом стала учительницей начальных классов, семь лет в школе проработала.

Те годы Эви вспоминает тепло:

— Люблю детей. Многие из моих ребят и сейчас меня помнят, а я их. Горжусь ими. Антс Сакс много поездил по Союзу, много пользы принес со своим студенческим отрядом. Керсти и Теа Оясалу учатся в сельскохозяйственном техникуме, Мэри и Хели Пент — в университете, обе девочки явно пойдут в науку. Многие остались работать в деревне. Жаль мне было со школой расставаться.

— А почему же расстались?

— Так ведь тогда нужно было животноводству помочь, мало народу на фермах было. Да, по правде говоря, меня на ферму всегда тянуло. Это у меня от мамы. И девчонкой я ей помогала на дойке и когда учительницей была: как выпадет свободная минутка, бегу

к коровам. Так, на моих глазах произошел весь переход от ручной дойки к механической, от старых скотных дворов — к животноводческим комплексам, от беспородных коров — к элите. Можно даже сказать, с моим участием. Вот наши зоотехники и стали меня сманивать на ферму. И уговорили — десятый год уже работаю оператором машинного доения. Между делом зооветтехникум окончил. С доильной техникой, конечно, можно управляться и без специального образования. С животными сложнее. Они у нас на круглосуточном стойловом содержании, для получения большого молока это способ прогрессивный. Но животным не хватает движения. Заменить его приходится режимом, рационом, вот здесь-то дело надо досконально знать. Пойдемте, покажу весь наш комплекс: доильную площадку, комнаты отдыха, душевые. Чисто у нас, вентиляция хорошая, вся механизация на ходу.

По дороге Эви рассказывала, как складывается здесь, в царстве молочной индустрии, рабочий день. Две дойки — первая рано утром, вторая после обеда. Работают втроем — два оператора и одна помощница, обслуживают триста коров. График такой: четыре дня работают, два отдыхают.

— Теперь на ферме работать легче, чем раньше, — говорила Эви. — Прежде казалось невозможным, чтоб у доярки выпало два выходных дня кряду. Рабочие дни у нас, конечно, с нагрузкой. Зато оплата от двухсот пятидесяти до трехсот рублей в месяц. А за два выходных чего только не успеешь — почитать, квартиру привести в порядок, выспаться. Да и вечера при двух дойках относительно свободны. Я, например, могу все вечерние телепередачи посмотреть. По выходным стараюсь прилежно воспитывать детей, а то ведь главный у них отец: он механизатор, у него работа начинается позже, он с ребятами каждое утро возится. Я иногда даже ревную.

И в целом, — Эви сняла повязанную для красоты косынку, тряхнула волосами, — я своей жизнью довольна. Ни один день не прожит впустую, без дела.

Словно точку над своими сорока годами поставила.

Мы расстались. Эви с ребятами стояли на крыльце и долго махали нам вслед.

Всю обратную дорогу я размышляла: с чего же пошло превратное представление о типичной эстонке как о женщине, преданной главным образом дому, быту? Наверное, с множества статей по домоводству. Конечно, в умении вести домашнее хозяйство эстонки могут показать пример другим. Но типичная эстонка нынче — это Эви Нейланд. А раньше, в войну, — Леен Кульман, партизанка, разведчица, Герой Советского Союза. Еще раньше — революционерки Ольга Лауристин, Альма Ваарман. До них — Алис Тислер, Амалия Крейцберг... Их было много, деятельных передовых женщин в истории эстонского революционного и прогрессивного общественного движения, и похо-

жих на них так много в Эстонии наших дней. Бесстрашные характеры, острый ум, умение и нежелание жить вне общественных интересов — вот что типично для настоящих эстонских женщин.

Входит пациент в аптеку...

Выйдешь на площадь, и, куда ни повернешься, кругом каменно стоят века — начиная с четырнадцатого и до юного двадцатого. Адрес этого исторического чуда известен миллионам людей: Таллин, Ратушная площадь. Известна и одна из старейших в Европе Ратушная аптека. Впрочем, заведующий Хайло Лийас думает иначе.

— О нашей аптеке больше знают в Москве, Ленинграде, Хельсинки, чем в самом Таллине, — с некоторым оттенком обиды говорит он.

— Еще бы! Турист на то и турист, чтобы докапываться до самых неведомых деталей. В других городах мы, таллинские туристы, тоже ворон не считаем. А про свою аптеку знаем только, что в давние времена она принадлежала династии Бурхартов.

Ох, мало, мало мы знаем про свою аптеку. Вот послушайте. «...В год господен одна тысяча четыреста двадцать два, в понедельник перед вербным воскресеньем...» — так начинается запись в протоколах Ревельского магистрата о том, что аптекарь Никлавес присутствовал на заседании магистрата и сообщил, что аптека принадлежит десяти почтеннейшим гражданам Ревеля. Вот, оказывается, с каких пор, с 1422 года, Ратушная аптека прописана в истории города...

Живет в Таллине Хейно Августович Густавсон. Он историк, исследует биографии старых эстонских заводов. В архивах попал на историю эстонской медицины и написал книгу «О старых таллинских аптеках». Был у Хейно Августовича предшественник, Э. Зейберлих, который еще в 1912 году издал в Риге на немецком языке книгу «Старейшие аптеки Лифляндии и Эстляндии». Но один только этот источник никак не мог устроить чрезвычайно любознательного Густавсона. В конце своей книги он прилагает список изученных им разных исследований и документов о старых аптеках, и состоит этот список из... 625 наименований!

С пятнадцатого века по восемнадцатый Ратушная аптека была единственной в городе. Перечень лекарств, которые в ней изготовлялись, весьма заманчив. Это жженые пчелы, доли бобового стебля, сушеные лягушки, змеиный жир, копыта жеребца, сушеные ежи, заячьи сердца, жир дождевых червей, кровь козла, пояса из человеческой кожи... Однако! Были какие-то пилюли с латинским названием, которое переводится так: «Пилюли, без которых не хочется жить». Не обходилось без вопиющих противоречий: с одной стороны, например, лечили от алкоголизма аметистом, а с другой — бурно

торговали вином под названием «кларет», любители кларета не давали аптекарям покоя и по ночам. Аптекарь был обязан поставлять кларет в ратушу «бесплатно, для пробы, в знак дружеской признательности».

Шли годы, менялись лекарства, менялись аптекари, неизменно оставаясь уважаемыми в городе людьми. В историю вошли Иоганы Бурхарты, и была в их роду традиция — старших сыновей называть Иоганами и обучать фармацевтике. Были у них весьма сановитые пациенты. Приехал, например, в Ревель Петр I и заболел: типичная тогдашняя прибалтийская «грудная слабость», нечто вроде хронического воспаления легких. Эта болезнь и унесла его в могилу после спасательных работ во время петербургского наводнения. И поныне говорят у нас в Таллине, что заболел он тут часто и каждый раз обращался к Иогану Бурхарту-пятому, успешно лечившему Петра своими декоктами и микстурами. Есть сведения, что состояли русский царь и ревельский аптекарь в переписке и будто хранится она в огромных, не разобранных еще ленинградских архивах. Однако есть и документированный факт: когда Петр простудился и заболел во время наводнения, то в Ревель был срочно послан голец, и Бурхарт помчался в Петербург, но не застал уже царя в живых.

В наши дни мы входим точно в такое же здание, в какое входил пациент шестнадцатого века. В помещении, где готовятся лекарства, в углу стоит затейливый, с балюстрадами и балаясинами столетний шкаф. Если войти в него и сквозь дно по узенькой лестнице спуститься в подвал, где размещается музей аптеки, то можно увидеть два деревянных ларя с надписями «тысячелистник» и «анютины глазки». Лари обиты деревянными гвоздями, чтобы хранившиеся в них травы не портились от ржавчины. Здесь же книга-хроника, составленная одним из аптекарей, К. Р. Лебертом; грамота Петра I об учреждении государственных аптек в России; разных размеров штангалзы — узкие, высокие, стоячие сосуды; глиняные банки для мазей; мензурки, ступы, пестро разрисованные сигнатурки. На стене — старинные гербы и грамоты. Во дворе, в специальном сооружении, — 300-летний пресс для изготовления tinkтур. Пациент входит в аптеку, и его очаровывают запахи уже приготовленных для исцеления лекарств; и тайны средневековой алхимии; и предметные свидетели аптечного дела почти шестисотлетней давности.

Работники Ратушной аптеки тоже очарованы своим необычным хозяйством. Заведующий Хайло Лийас сказал:

— Сейчас познакомлю вас с нашей старейшей работницей.

Быстрой и легкой походкой вошла седовласая, вся в белом и крахмальном красавица. Я спросила:

— Когда же вы поступили сюда работать?

— Ой, — удивилась Юстина Александровна Корен, — да именно в этот день, только пятьдесят лет назад. — Вообще-то в целом мой

рабочий стаж в фармацевте — шестьдесят пять лет. Я начинала в аптеке города Аренбурга, теперь Кингисеппа, что на острове Сааремаа, это было в самом начале первой мировой войны, все мужчины-фармацевты ушли на фронт, и было мне тогда восемнадцать лет.

Для женщин в те времена должность фармацевта была примерно то же самое, что в наше время работа пилота или капитана корабля. И это вдохновляло юную островитянку. Она окончила курсы при Тартуском университете, сдала очень строгий экзамен по-латыни и стала фармацевтом в маленьком городке.

— А владелец аптеки был придира,— рассказывает Юстина Александровна,— требовал работать без перерыва, даже на обед не отпускал, мама из дому еду приносила. Работала я по двенадцать часов в сутки, и через двое суток на третьи было еще круглосуточное дежурство. К тому же он требовал, чтобы мы быстро двигались, и имел обыкновение для этого наступать нам на пятки в прямом смысле, конечно. Так я проработала пятнадцать лет, а потом пригласили сюда, в Ратушную аптеку.

— Может быть, в то время, когда вы сами готовили лекарства, было интереснее?

— Нет. И тогда и теперь мы думаем о главном — о людях, которым должны помочь. А чем быстрее больной получит лекарство, тем для него лучше.

Лийас рассказывал еще:

— Тридцать лет проработала у нас Зинаида Ивановна Лийват, теперь она на пенсии и улетела отдыхать на юг. А когда надо, мы ее зовем, и она приходит, помогает. Ольга Рейнсалу тоже уже тридцать пять лет сидит за кассовым аппаратом. Да и сам я работаю здесь давно.

То, что мы узнали о семействе Лийаса, в традициях Ратушной аптеки. Как некогда Бурхарты, так сейчас сам Хайло Лийас является главой рода современных таллинских фармацевтов и провизоров. После окончания университета он вот уже сорок лет работает провизором, из них большую часть заведует Ратушной аптекой. Вместе с ним окончила университет его жена, провизор Юта Лийас, сейчас она тоже заведует одной из таллинских аптек. Их сын Трюггве Лийас — тоже провизор и тоже заведующий аптекой, и дочь их Терье Лаан заведует аптекой, но в Тарту. Сестра Хайло Лийаса заведует аптекой в Тамсалу, а жена сына Эда Лийас работает в новой аптеке таллинского микрорайона Мустамяэ. Итого, пока шесть человек. Пока, потому что племянница Майла Нурм поступила в Тартуский университет, и, конечно, на медицинский факультет. Если так пойдет и дальше, то семья Лийасов сильно перещеголяет семью Бурхартов: ведь Лийасы за сорок лет дали шесть провизоров и фармацевтов, а Бурхарты за три столетия — десять.

— Хватает ли лекарств? Есть ли все необходимое? — спрашиваем у Лийаса.

— Мы стоим на самом бойком месте в городе, мимо нас ежедневно проходят сотни таллинцев и сотни приезжих. Как им не заглянуть к нам, не купить по пути необходимое? Поэтому подчас приходится и отказывать. Но мы не отказываем наотрез. Пациент оставляет нам почтовую открытку со своим адресом, и, когда лекарство поступает, извещаем его, и он довольно скоро возвращается к нам.

...За стеной, в гулком переулке Сайаканг, звучат шаги и разноязычная речь, туристы наводят фотообъективы на кованный символ фармации — чашу со змеей, аптека благоухает лекарствами и экзотической средневековой балтийской былей и проделок алхимиков.

ЗАПАХ ПОЛЫНИ В КУМТЕКЕЙ

Осень 1930 года была холодной, злой ветер метался от вершины к вершине на плато Торайгыр, на отгонных пастбищах Джаланах; вода в Мынжеле — Реке Тысячи Кобыл — была студеной, как лед. Рано начались дожди. Нурбала с каждым днем все тяжелее и тяжелее шла за отарой, мысли путались. Она слышала, конечно, что в городах открываются больницы, что на стойбища вызывают акушеров, но все это было чужое, незнакомое — не для кочевья. Ей хотелось одного — скорее дойти до Каркары, до юрты, чтобы ветра не было и воду можно бы подогреть. Не дошла. И потому мальчика назвали Жолсеит — Рожденный в пути. Привезли его на зимовку в Кумтекей, недалеко от Каркары. Странное это место — в распадке между хребтами, где на высоте 2000 метров залегли сытые черноземы, вдруг протянулась полоса невесть откуда налетевших песков. «Длинный песок» — так переводится слово Кумтекей, из давней давности идет предание о засыпанном здесь городе...

Каркара, Кумтекей... Почему мне так знакомы эти названия? И вдруг вскакиваю как ужаленная: Чокан! Чокан Валиханов упоминал их в своих путевых дневниках.

Было время, когда мне ночами снился Чокан. Я увидела однажды в Алма-Ате в музее его портрет. Чем-то он был похож на Лермонтова — наверное, эполетами на прямых юношеских плечах и такой неюношеской озбоченностью в глазах — думами об участи своего народа, о смутных судьбах человечества. Я чуть было не бросила тогда журналистику, чуть не кинулась в исследование его жизни и деятельности.

— Опомнись! — сказали мне в редакции. — В Академии наук Казахстана Институт этнографии носит имя Чокана Валиханова,

исследованиями его трудов занимаются крупнейшие казахские ученые, готовится к изданию пятитомник его трудов...

Я опомнилась. Только продолжала разыскивать его путевые дневники, хранящиеся в разных архивах, написанные то по-русски быстрым, косым почерком, то красивой арабской вязью. От них томительно и тонко пахло степными травами...

Потомок казахских султанов, штаб-ротмистр русской армии, друг Достоевского, Майкова, Семенова-Тяньшанского, Потанина и многих деятелей русской культуры, Чокан Валиханов прожил на земле всего 29 лет. Он был человеком редкого ума и таланта и еще более редкой отваги. В 1855 году, когда ему было двадцать, он написал «Очерки Джунгарии» — горькие страницы о положении своей родины: «...Средняя Азия в настоящем общественном устройстве представляет явление крайне печальное, какой-то патологический кризис развития. Вся страна, нисколько не преувеличивая, есть не менее, как одна громадная пустыня с заброшенными водопроводами, каналами и колодцами, усеянная развалинами... на развалинах многовратных городов стоят жалкие мазанки, и в них живет дикое невежественное племя... забытое до идиотизма религиозным и монархическим деспотизмом туземных владельцев, с одной стороны, и полицейской властью китайцев — с другой...»

Окончив в Омске кадетский корпус, он не стал военным, его звала наука, точнее — разные науки. Он хотел исследовать свою страну географически, топографически и этнографически. Его интересовала ботаника, он рвался в экспедицию. Он предпринял поездку в скрытную, опасную для путешественников Кашгарию, властители которой не пропускали к себе после Марко Поло ни одной экспедиции, а пытавшихся проникнуть туда европейских ученых убивали запросто, как баранов. По пути в эту таинственную Кашгарию в июле 1858 года Чокан Валиханов под именем купца Алимбая с экспедицией, прикрывшейся кокандским торговым караваном, достиг склонов Терской Алатау. Караван из 101 верблюда и 65 лошадей прошел путь в 300 верст и устал. Чокан остановился на Каркаринских джайляу — кормить животных. Сам он бродил по степи — в ее яркой зелени лиловыми, белыми и желтыми потоками разливались цветущие травы. Думал. Приводил в порядок путевые дневники. Рисовал — пером и акварелью. Улыбаясь, вспоминал пройденные караваном хребет и долину Коп-пек, где полынь пахнет особенно остро, нежно и окрыляюще. Может быть, от кок-пекских кочевников он и услышал предание, о котором потом рассказал Аполлону Майкову, а поэт с его слов написал известное стихотворение «Емшан». И на Каркаринских джайляу мысли Чокана о родине складывались в очерки, они потом были опубликованы в «Записках императорского русского географического общества», членом которого он состоял с юности...

...Как же долго здесь, в Каркаре, было все как в записках Чокана:

на безвестных развалинах жили даже не в мазанках, а в пастушьих юртах и шалашах деды и прадеды Жолсеита Молдасанова...

Жолсеит рос. О Чокане, о том, что он бывал в Кумтекей и на Каркаринских джяйляу и писал письма Достоевскому с раздумьями — наступит ли когда-нибудь в этом краю умная, добрая жизнь? — Жолсеит, конечно, ничего не слышал. Но каждый день он слышал одну и ту же суру Корана: «Бисмилда алдрекбан рахым» — ее во время намаза шептали старики, и когда он спрашивал, что это значит, никто не мог объяснить ему и сказать, что это арабские слова «Бисмиллахиррахман иррахим», искаженные неграмотными людьми до неузнаваемости. И непонятица эта отталкивала Жолсеита, а притягивало веселое, понятное: первые годы ученья на казахском языке в Каркаринской школе. Учителя не муллы, они не били учеников, не заставляли долбить непонятные тексты, как досталось старшему брату Мамраю, а хвалили Жолсеита за успехи в арифметике и родном языке. Но недолгой была школьная радость — однажды черным ветром влетело в Каркару слово «война», мужчины ушли далеко на фронт. Мама Нурбала стала колхозным чабаном. И было еще одно осеннее утро, когда она сказала Жолсеиту, что ей одной такая работа больше не по силам, а ему уже тринадцать лет — пора идти ей в помощники.

Он не стал спорить и проситься в школу, а пошел с ней на джяйляу. Уже тридцать семь лет длится эта дорога: дом — джяйляу. Есть и другие, далекие, так что он вполне оправдал свое имя — Рожденный в пути.

Уже мальчишкой он знал то, что знает теперь — например, что нельзя два дня подряд пасти овец на одном месте. Знал по виду безымянные травы, особенно полезные овцам. Сейчас, присев на солнечном склоне Севрюн-Тобе, он разглаживает на колене листики этих трав и рассказывает о них, экзотично звучат на чужом языке названия:

— Вот кокмарал и жалбы — разновидности мяты... Фашисты, будь прокляты, не дали мне вовремя доучиться, боюсь, по-русски не все объясню. Мята — она овце, как и человеку, при пищеварении помогает, укрепляет сердце. Вот бегете, по-вашему кипец: главный овечий корм для накопления жира, мяса и шерсти, и для этого же бидаег и карачалган — разновидности пырея. Буте и ушкулак — сорта дикого клевера, они в характеристиках не нуждаются. А это узнаете? Ну да, дикий эспарцет. Видели — сейчас косят, и на зимовке у нас скирдуют культурный эспарцет, сено из него очень сильно, если зимой овце дать в день три килограмма такого сена да два килограмма соломы, да 300 граммов концентратов — крепкие родятся ягнята. Да, а если бы культурного эспарцета не было, пустил бы я на силос эти вот аткулак — конский щавель, тоже хороший корм, и алабота — лебеду, казтанлай — гусиный лук, четыр — сурепку. Сотни трав, всех

названий еще не знаю. Знаю, что на таких травах грех не выращивать лучших в мире овец.

Если на развалинах видишь новые города и они прекрасны, тут все понятно, все отраднo. Но как определишь новое отношение к труду, как отличишь его от всегдaшнего крестьянского трудолюбия? Ведь Нурбала, мать Жолсеита, тоже хорошим была чабаном, как и деды и прадеды. Однако много надо было не только узнать, но и понять Жолсеиту, чтобы произнести эти слова: «...грех не выращивать лучших в мире овец...». Ведь «лучших в м и р е» — это уже не чабанская забота. Это забота государственная, проблема экономическая.

А овцы и в самом деле хороши. Крупные архаро-мериносовые матки с густо отрастающей шерстью и мохнатые миляги-ягнята во главе с самодержцем всея отары черным козлом Мишей лавиной спускаются по распадку к речке Каркаре — на водопой. После водопоя Жолсеит и его помощник Уркунбай встают друг против друга, образуя как бы ворота, в эти ворота первым — с наполеоновским видом — проходит Миша, а за ним попарно следуют овцы с ягнятами. Смотреть на это удивительно: огромная отара проходит чинно и медленно — словно понимают, а может, и понимают? — зачем: чтобы их сосчитали — все ли на месте, и осмотрели — все ли здоровы. Каждый день пересчитывают каждую душу отары Жолсеит и Уркунбай.

Кормить овец — это забота номер один. А вторая забота — получать от них хорошее потомство, и здесь Жолсеит Молдасанов знает такие тонкости селекции, что не всякому зоотехнику с высшим образованием доступны. Мы сейчас в эти тонкости вдаваться не станем, скажем только, что, закончив специальные курсы, за последние двадцать лет селекционной работы Жолсеит сумел вывести породу овцематок, рождающую двойняшек. Вот откуда в отаре такие достижения: если в среднем по республике от ста овцематок получается сто два ягненка, то здесь овечье население растет так: от ста овцематок рождается и сохраняется сто семьдесят пять ягнят. Мало для этого знания трав, понимания биологии овечьего организма. Ягнята рождаются зимой, а зима в Кумтекей, как уже говорилось, многоснежна, ветрена и морозна, а ягнята-двойняшки слабы. В эти дни Жолсеит говорит своей жене Ултуар:

— Бери еду, и идем в кошару.

А от кошары до дома — от силы тридцать шагов. Но и этих тридцати сделать некогда. Некогда как следует поесть, бывает, что сутками вздремнуть некогда. Надо принимать ягнят, греть воду, готовить роженицам усиленный рацион и топить, топить, топить печь — чтобы новорожденным было тепло. К апрелю, к моменту выгона отары на джйяляу, у Жолсеита и Ултуар наступает такая усталость — кажется, вот-вот уснут на ходу. Так, наверное, и было бы, если бы не надо было провозжать ягнят на джйяляу.

А зачем? Ну зачем так работать, так не щадить себя?

Можно ведь взять на это время помощников, и станет легче.

— Будет не то, — говорит Жолсеит, и я понимаю всю неуместность такого предложения: какой же мастер поручит самую важную работу другому?

Наверняка найдутся такие, кто скажет: из корысти Молдасанов работает, для богатства. Недоброе это предположение лежит прямо на поверхности. Зимовка в Кумтекей, на засыпанных песком древних развалинах, богата. Это семикомнатный дом с модной мебелью немецкого производства, с электричеством, с дорогим телевизором марки «Горизонт». Чабан Молдасанов садится на своего коня Тората только на джыйлау, все остальные ближние и дальние дороги совершает на «Волге» бирюзового цвета — естественно, сам за рулем. Отпуск имеет возможность проводить за границей — недавно, например, сложили они с Ултуар свои наряды в желтые кожаные чемоданы и отправились путешествовать по Монголии. Полная чаша дом чабана в Кумтекей, длинный стол всегда накрыт, постоянно фыркают два самовара — с утра до ночи в доме бывают гости. Собственно, это не совсем гости, все они приходят по делу. То соседние чабаны — за советом по овечьим вопросам, то райкомовские работники с делегациями из соседних республик — тоже за опытом. Шоферы приезжают с просьбой — «помоги достать запчасти», люди с соседних зимовок — «сядь за руль, отвези захворавшего в больницу», мать с ребенком — «дай мази из чабанской аптечки, девочка руку обожгла», родители с дальних отгонных пастбищ — «посоветуй, как детей устроить учиться в школу-интернат» ...Жолсеит помогает как может и при этом угощает на славу по закону гостеприимства, потому что древний этот обычай — сначала напои и накорми, а потом спроси, кто и зачем — здесь в прежней силе.

А вот культ вещей в дом Молдасанова вместе с этими вещами не проник. Дети привычно играют на покрытых коврами диванах, а на «Волге» Жолсеита кто только и не ездил.

Нет, не из корысти работает Жолсеит. В семье давно уже установилось полное материальное благополучие, а работы все больше, она все сложнее и напряженней.

Для славы?

Но имя Жолсеита Молдасанова давно известно в Казахстане и за его пределами, труд его оценен многими наградами, в 1973 году он стал Героем Социалистического Труда. Ултуар — мать-героиня, награждена орденом Трудового Красного Знамени за работу в отаре. Много наград и у помощника чабана Уркунбая Шалакунова. Слава не обошла зимовку Кумтекей.

Может быть, для детей, для их будущего?

Может быть. Десять детей в семье — Спайы, Ербулат, Бекбулат, Есбулат, Канатбек, Жанат, Света, Индира, Майгуль и Нурсеит Жолсеитовы. Детей надо учить, считает отец, вспоминая свое детство.

Но их нельзя баловать — и тут он совершенно незыблем. Человека делает человеком прежде всего труд. Да, сам он теперь каждый день на машине ездит на джайляу — а когда в 1943-м стал чабаном, не было у него не только коня или быка, но даже ишака не было, он перегонял отару на зимние пастбища Торайгыра пешком — 120 километров в один конец. Дорогу осилит идущий, и пусть это будет дорога хотя бы от дома до летней кухни, но и ее надо пройти с пользой для других. На детей он смотрит прежде всего критически.

— Хочу быть чабаном,— говорит семнадцатилетний Жанат. И по повадке он уже готовый чабан — в седло взлетает птицей, поковбойски нахлобучив шляпу на лоб.

— А чабана из него не получится,— говорит отец, провожая его взглядом.— Он лодырь, пешком ходить не хочет. И потому пастбища и травы плохо знает — не видит на скаку. Наездник, а не чабан.

А «лодырь» Жанат в школе учится на пятерки, а «наездник» Жанат вьется вокруг отары все лето.

— Я не говорю, что он плохой. Он добрый. Пес Булкар как-то в барсучий капкан попал, Жанат разыскал его в тугаях, лапу перевязал, выходил. Теперь этот Булкар меня вроде бы вовсе и не узнает, а с Жаната глаз не спускает, будто его насовсем к нему магнитом притянуло. Добрый и хорошо учится. Значит, пусть учится, Нурсейт подрастет — может, он чабаном станет.

Света, Индира и Майгуль приехали на лето из школы-интерната отдохнуть на зимовку. Утром они поднимаются рано и, никем не понуждаемые, сразу берутся за работу — таскают хворост и кизяки, ставят самовары, топят летнюю печь, сбивают кумыс, моют огромное количество посуды. Каждый знает свое дело. Даже самый младший Нурсейт занят — гоняет мух с веранды и ездит с отцом на поля, где косят эспарцет. Только перед закатом дети уходят в пески, строят там крепости и города и танцуют на их желтых площадях, по-восточному подняв к небу длинные тонкие руки. Да днем вдруг на какое-то время исчезают, совсем их не слышно. Оказывается — читают. В книжном шкафу в семье чабана стоят казахские, русские, немецкие, французские книжки.

— А Расула Гамзатова кто сейчас читает? — спрашиваю, увидев в спальне раскрытую книгу.

— Я,— отвечает хозяин дома,— хорошо, что Расула перевели на казахский, ай, молодец, как про свой Дагестан написал — поехать хочется.

Незаметно, чтобы родители специально занимались воспитанием детей. Просто пример родителей у них всегда перед глазами, и известно с пеленок, что никто и ни в чем не должен лениться и требовать необходимое надо не с родителей, а с себя.

— Мы с отцом считаем, что они должны знать и нашу работу,—

говорит Ултуар, — и учиться, читать как можно больше, пусть получат сполна все, что им государство дает.

Вот что рассказывает о родителях Стайы Жолсеитова, дочь чабана, преподавательница французского языка, член КПСС:

— Я у родителей старшая, мне уже 28 лет исполнилось, у самой пятилетняя дочь Чинар, а домой приеду — опять в детство и юность вернусь, меня даже дочь здесь сестрой называет. Я отсюда километрах в пятидесяти живу, замужем за преподавателем математики и сама там в школе имени Крупской французский язык преподаю. Родители у меня добрые. И есть еще такое многозначное понятие: простые. Вот они добрые и простые. И вполне современные люди. То, что быт у них современный, — это вторичный признак. Главное — это их осмысленное отношение к труду, к месту в обществе, к окружающим людям вообще и к семье в частности. Отец к жизни с большим любопытством относится, и вообще он такой своеобразный философ — серьезный и веселый одновременно. И, насколько я теперь могу судить, человек он одаренный. Вы послушайте только, как он слово «эдельвейс» произносит — «эдльвайс». Это я его однажды поправила, а он накрепко запомнил. Я-то в школе немецким увлекалась, у нас учительница немецкого была прелесть что за человек, а я тоже решила пойти после школы на факультет иностранных языков. На немецкое отделение не прошла по конкурсу, предложили французское, я согласилась. Ох, кошмар был вначале! Преподавательница поднимет ручку, скажет «стило-о-о», а я понять ничего не в состоянии. Вызовут отвечать — вся трясусь, слова сказать с перепугу не могу. Наплакалась и решила бросить институт. Вдруг отец появился — кафедра его вызвала.

— Что с тобой? Кончить школу с золотой медалью и так растеряться в городе! По-твоему, мне в моем возрасте и с моими-то ничтожными знаниями в вечерней средней школе учиться легче, чем тебе с твоей подготовкой на первом курсе института? Стыдись! Ты трусиха, мне такая дочь не нужна! — и вышел. А во мне словно повернул что-то, я взяла себя в руки, успокоилась, постепенно настоящему увлеклась французским языком и литературой, даже об аспирантуре мечтаю. Мы с отцом почти одновременно кончали: я — институт, он — вечернюю школу. Остальных детей в критических случаях он тоже по шерстке не гладит, а у нас сейчас семь человек учатся, родителям хватает забот и тревог. Но грозные эскапады с его стороны — исключение, он с нами добродушен и внимателен. Недавно я ездила с ним в Москву; я ужасно канючила, чтобы взял меня с собой, а он и не сопротивлялся, по-моему, он хотел проверить, насколько я знаю французский и достойна ли аспирантуры, — заставлял кое с кем по-французски говорить. Не знаю, к каким выводам пришел...

...А может быть, почти круглосуточный труд Жолсеита — это просто давняя, потомственная привычка к чабанскому делу и ему

ничего другого не нужно? Ведь только в 1962 году семья перебралась из юрты в дом, да сначала не в этот, большой, а в маленький, с керосиновой лампой.

— Мне и верно юрта была привычной, — рассказывает Жолсеит, — это я теперь совсем освоился среди европейской мебели, за европейским столом со всеми приборами. А ведь сначала машину купил — как истый кочевник, — а потом дом начал строить. Ну, купил машину, кончил в Алма-Ате водительские курсы, стал шофером второго класса. И вдруг почувствовал — все! Не хочу больше быть чабаном, от руля оторваться не могу. Конь стал не мил — скорость не та. Запах бензина полюбил. Стал думать: буду шофером. Спать не мог — думал. Сам с собой спорил, чувствовал: как-то не так поступаю. Для себя добра ищу, чтобы мне интересней было, легче по асфальту на машине кататься. А я ведь здесь комсомольцем стал, совсем молодым в партию вступил, ордена получил. Взять — взял. А возвращать пусть другой станет, пока я буду автомобилизмом увлекаться? А возвращать мне еще много надо: доверено мне 250 гектаров хороших пастбищ, 1700 голов овец новой, наилучшей породы. Плохой бы я был пример для школьников, которые после десятилетки целыми выпусками в сельском хозяйстве остаются. Да и вообще грош цена человеку, который только для себя хочет жить. Ну, и остался в Кумтееке.

Он остался и встает всегда раньше солнца. Ночью в горах всегда студено — весной, летом и осенью. Кажется, усеянные звездами небо льет и льет на землю свой высококи холод. Семья еще спит, когда Жолсеит уходит на джыйлау. Семья уже спит, когда он возвращается домой. Иногда он приезжает домой пообедать, на машине это недолго. Но чаще не успевает, потому что он член бюро райкома и депутат — у него нет ни одной минуты для себя. И в то же время все, что он делает, в первую очередь нужно ему самому. То, что он был избран делегатом XXIV сезда КПСС, а на съезде — членом ревизионной комиссии ЦК, и звание Героя Социалистического Труда, и вновь — избрание делегатом на XXV съезд партии и в ревизионную комиссию — все это следствие его образа мыслей и поступков.

За неделю жизни в его семье я почувствовала — время в Кумтееке убыстрено, заряжено особой энергией. Все, на что европейцам потребовались столетия, то есть достижение определенного уровня духовной и бытовой культуры, здесь происходит за считанные годы. Что недавно живший в юрте Жолсеит Молдасанов держит вилку и нож с элегантностью прирожденного дипломата — это, конечно, мелочь, это попутно.

Но его спор с самим собой, его пережитая, продуманная, спокойная и твердая уверенность в главном смысле жизни: не столько для себя, сколько для пользы общества и государства — это уже не мелочь. Это образ мыслей порядочного, интеллигентного советского человека.

Полная чувства собственного достоинства, ставшая уже привычной жизнь в окружении красивых вещей без малейшей тенденции служения им; потребность в знаниях, в чтении; стремление воспитать детей трудолюбивыми, культурными, образованными — это признаки образа жизни советского человека, живи он в городе или где-то на склоне Терской Алатау.

Есть категория людей за пределами нашей страны, да и у нас есть такие, которым не совсем понятна эта диалектика, это единство и различие между трудом для себя и трудом для общества. А пока они пытаются понять и оспорить, такое отношение к труду становится у советских людей как бы врожденным чувством. Оно приходит не сразу, оно рождается и в борьбе мнений по-разному мыслящих людей и в таком вот, как было у Жолсеита, споре человека с самим собой. Рождается. Побеждает. Становится философской и политической категорией в нашем советском образе жизни и краеугольным камнем в социальном устройстве общества.

Оппонент в таком споре, наверное, сказал бы:

— Как же Молдасанову поступать иначе, если он сам, пусть один из многих, но руководитель государства.

Но ведь если бы однажды на крутом повороте, на ином настрое выбора пути он не продумал своего прошлого и будущего, возможно, он и не стал бы одним из руководителей государства.

К концу недели, проведенной на зимовке в Кумтекее, я записала в блокноте древнюю и в общем-то капитулянтскую мысль о том, что человеку ничто человеческое не чуждо. Но записала так: «Молдасанов — Человек, и ничто Человеческое ему не чуждо». То Человеческое, что с большой буквы, стало обычным на самой краешке страны, на такой отдаленной зимовке, что даже от Алма-Аты находится за пятью реками и тремя перевалами.

Вот в чем наша сила.

...А от страничек моего блокнота до сих пор пахнет полынью и мятой. И, наверное, поэтому неотвязно все думается и думается о Чокане Валиханове: жаль, что не вечен самый гениальный ум и что не дано увидеть Чокану сегодняшних дней в Каркаре и в Кумтекее.

ВОДА-ХАНУМ

Мне с детства запомнились слова «Бактрия» и «Согдиана». И были эти слова облечены тайной безвестности и давности в две с половиной тысячи лет. Квинт Курций Руф, повествуя о войнах Александра Македонского, писал: «...природа Бактрии разнообразна; там виноградная лоза приносит крупные и сладкие плоды; обильные воды орошают жаркую почву; наиболее плодородная земля обрабатывается

под хлебные посевы, другая обращена в пастбище крупного рогатого скота, но большая часть земли — бесплодная равнина...» Паслись на пастбищах Бактрии кони, за невиданную статью названные «небесными», и был на полях необыкновенный, специально для небесных коней выращиваемый корм — недавно я узнала, что это люцерна. Из Бактрии небесные кони и их корм вывозились в иные страны востока и на запад — так попала к нам люцерна.

Потом вторглись злые кони воинов Александра Македонского, стала дыбом и рассеялась пылью плодородная земля Бактрии и Согдианы, были уничтожены оросительные каналы, камни растрескались от пожаров и солнца. Погибли земледельцы, их поля и сады; Бактрия и Согдиана стали просто историческими словами, и смысл их навсегда смешался с непреходящей печалью. С детства томила меня Бактрия и Согдиана несбыточностью и неутолимой жаждой — увидеть, понять...

И вот теперь я приехала в Яван — эта долина и была некогда северной частью Бактрии, а слово «яван» по-русски значит «пустыня».

Дно долины две с половиной тысячи лет было сухим и горячим, как тандур — глиняная печь для хлеба. Люди не могли вынести яванского зноя и жили в нагорьях, где попрохладней. Теперь на дне долины белеет юный городок Яван, и в нем, как в любом городке, — мастерские, гаражи, клубы, бани, прачечные, поликлиники, больницы, аптеки, склады, молочнотоварные фермы. Разве можно представить все это без воды? Вода идет сюда из Нурекского водохранилища. А в водохранилище ее несут Вахш и ущелья, питающиеся от таяния ледников. Беспредельными оказались источники воды в безводном Таджикистане.

Полтора года назад я ходила по слою Нурекской плотины, что засыпан теперь. Справа над водохранилищем идет дорога, я ездила по ней не раз, и у меня там есть любимая точка: с нее водохранилище, чуть раздвоенное посередине мысом скалы, кажется похожим на сердце. Голубая благородная кровь по артериям и капиллярам гигантской оросительной сети течет на хлопковые поля Таджикистана, Узбекистана и Туркмении и несет обновление людям этих республик, древним землям Бактрии и Согдианы. Вспоминаю Рудаки:

...Песками лежит пустыня, где прежде цвели сады. Но сменят сады пустыню, алкающую воды...

Десять столетий должны были пройти, пока сбылись надежды Рудаки.

...Таджи Сеитова называют в Яване москвичом. Он был им несколько лет после службы в армии, когда солдаты из их части решили поработать на строительстве Московского метро. Был сначала бетонщиком, потом окончил курсы и стал мастером. Проработал

четыре года, закончил свой объект, и тут метростроителям предложили работу в Яване.

— Я, конечно, согласился, ведь мои родные места рядом, — рассказывает Сеитов. — Только мне было странно: что же я, метростроитель, стану делать в Яванской пустыне? А меня ожидало неожиданное: я сразу стал мастером поверхности шахты. Не знаете, что это такое? Я расскажу. Яванский тоннель для быстроты пробивали с двух концов, строители шли внутри скалы навстречу друг другу. Для того чтобы опускать строителей под каменную толщу и обеспечивать их стройматериалами, мы где-то в середине, в кишлаке Кунчи, врубались в скалу вертикальным стволом глубиной в сто пятьдесят шесть метров. Легкими были первые четыре метра грунта. А потом пошли скалы. Диаметр нашего вертикального ствола — шесть метров. Дневное задание для двенадцати человек — восемьдесят сантиметров в глубину. Эти восемьдесят сантиметров казались вначале даже обидными: почему не метр? Но за дополнительные двадцать сантиметров мы дрались, как львы. Некоторые бригады все же давали по метру. Наверху их ждала премия — тут же касса, и сразу бригада в руки сто рублей. Но дело не в ста рублях! Наверху их ждала слава: люди каменных гор раньше знали только легенды о том, что скалу можно пробить и добыть воду. Сказания, в которые народ устал верить.

Мы строили тоннель в семь тысяч триста метров целых восемь лет, — продолжал Таджи Сеитов. — В середине мая шестьдесят восьмого в глубине скал под Кунчи встретились бригады, а восемнадцатого мая в Яванскую долину сквозь каменный хребет пошла вахшская вода. Все газеты опубликовали фото яванских стариков, они мыли свои белые бороды этой водой и плакали от счастья, что дожили до такого дня, — ведь их отцы, деды и прадеды возили воду с Вахша. Шестьдесят километров. На ишаках... И люди сразу спустились с гор в Яванскую долину. Раньше по долине разбросанно жили пятнадцать тысяч человек, а теперь в одном поселке Яван уже восемнадцать тысяч, а по всей долине шестьдесят три тысячи жителей, и если посчитать, то выйдет пятьдесят национальностей. Вся страна помогла Явану, но в первую очередь — московский Метрострой. А теперь у нас есть свое, Таджикское управление Гидроспецстроя.

...Перед поездкой в Яван мы говорили с секретарем ЦК КП Таджикистана по сельскому хозяйству Мирзо Бобоевичем Бобоевым.

— Я кое-где видел остатки древних оросительных систем, — рассказывал Мирзо Бобоевич, — наши предки были большими мастерами. Воде, как известно, свойственно стекать вниз. Но и поныне сохранились древние арыки, по которым вода, как змейка, ползет вверх, в гору. Еще и корезы у них были — нечто вроде подземных тоннелей, соединенных частыми вертикальными колодцами для

очистки. Все это было мудрое, но такое ненадежное, что думать больно. Трудно нам было без воды. Ведь у нас 93 процента страны — горы и только 7 процентов — долины, да и они от природы сухие. У нас 500 больших и малых рек, а вода их то бушевала в ущельях, то уходила в сухую глину долин. За годы Советской власти наш народ многое сделал: освоил Гиссарскую и Вахшскую долины, одолел, казалось бы, невысказанное — построил прекрасную дорогу на Памир. И все это еще было не самым главным. Самое главное: массовая, грамотная, на высоком техническом уровне ирригация досталась нам, достанется нашим потомкам. В Нурекском водохранилище уже накоплен большой запас. Плотина Рогунской ГЭС тоже даст могучую воду.

Есть таджикская пословица: «Не спрашивай, сколько у меня земли, а спроси, сколько воды». Я сказал вам, сколько у нас воды. А орошаемой земли сейчас 482 тысячи гектаров. Не так уж и много, правда? Но по плодородию они золотые, эти гектары. И, как золото, мы «собираем» их, не теряя ни единой крупитцы. Доходность каждого орошаемого гектара повысилась в три-четыре раза по сравнению с богарным, то есть неорошаемым.

Я слушаю Мирзо Бобоевича и думаю о том, что мне повезло: на протяжении двадцати лет я семь раз была в Таджикистане. В первый приезд собственными глазами видела, как дехкане на древней зернотерке в виде коней с железными зубами мололи зерно и как талая горная вода быстро уходила в сухую землю арыков, слабой струйкой едва доползала до потрескавшихся полей. А в последнюю поездку я побывала в глубине горы Нор, в третьем строительном тоннеле. В том самом, через камеру затвора которого в марте и апреле спускают огромное количество воды для промыва от соли хлопковых полей трех республик, и один только этот промыв увеличивает урожай хлопка на 30 процентов.

Вода пришла и преобразила землю, людей.

...В совхоз имени XXIII съезда КПСС мы приехали в разгар сева хлопчатника. Совхоз был создан десять лет назад на целинной земле Вахшской долины. Сейчас в поле были все, кто мог. Пенсионер Сайфиддин Абдуллаев почтительно потчевал механизаторов обильным обедом. Я стала расспрашивать его о севе, но он покачал головой.

— Я старый неграмотный человек, всю жизнь пахал на быках сухую, горькую землю. Теперь радуюсь воде, нянчу внуков, а во время сева прихожу на полевой стан, готовлю обед для сеятелей и завариваю побольше чаю. Вы лучше поговорите с Ильхомом Изатовым.

Ильхом шел к сеялке, оставляя цепочку легких следов в коричневой, пышной, без единого комочка или камушка земле. Неужели это так взлелеяли ее машины? А может быть, это люди каждый комок

растирали ладонями? Ильхом Изатов, один из лучших механизаторов республики, сказал на ходу:

— Ладонями всю не разотрешь. А машинами за десять лет много раз растирали.

Вода. Она вошла в жизнь большим потоком и маленькими ручейками.

Вот какая история произошла в Вахшской долине: Фаткулло Бобоев был награжден орденом Трудового Красного Знамени за то, что собрал с гектара по 68,1 центнера... рыбы. Да, именно так, потому что уважаемый Фаткулло работает в рыбном хозяйстве Куйбышевского района, где зеркало прудов исчисляется 165 гектарами. И выращивает он в прудах рыбу.

А то вот еще история с банями.

Колхоз «Россия», что рядом с Душанбе, решил построить баню, да не простую, а среднеазиатскую. От обычных бань она отличается тем, что у нее горячие полы и скамейки. С ходу прогревает до костей: войдешь больным и усталым, выйдешь здоровым и свежим. Когда-то богатые и знатные баи строили себе такие бани. За долгие столетия безводье люди забыли, как их строить. Теперь вода есть, деньги есть — проекта нет. Однако «длинное ухо» довело до сведения правления колхоза, что в узбекском городе Намангане живет некий Ходжи-бобо, а у него есть сын Мамаджон и они потомственные строители бань. Ходжи-бобо был приглашен, и приехал, и построил без всякого проекта сказочную баню. В котельной форсунки гонят горячий воздух по кирпичным ходам длиной в 35 метров, благодаря чемугреваются банный пол и воздух. Слева от входа работает парикмахерская, а справа — чайхана. Уже нет в живых Ходжи-бобо, но оставил он в разных местах Таджикистана своих добровольных помощников и учеников, и работают теперь целебные бани в Гиссаре и Шаартузе, в Регаре и Орджоникидзебаде — всюду, где есть вода.

Могут сказать: подумаешь, бани! Но ведь это бани в бывших пустынях.

Если раньше маленькая глинистая лужица с красивым названием «хауз», то есть «пруд», считалась большим достижением и счастьем, то теперь в бетонированных бассейнах городов и поселков цветут ласковые кувшинки. И обрамлены бассейны розами всех цветов и сортов, и розы эти прекрасны и благоуханны.

Там, где много воды, часто не умеют ее ценить. А пострадавший с без воды Таджикистан украшает ее цветами.

Однако за Нуреком, за горным массивом Шар-шар есть Дангаринская долина, где девушки все еще носят воду ведрами. Они качают ее из колонок и добывают из дальних горных источников. И вообще воды в Дангаре маловато. Но уже через каменную гряду с пророческим названием Себистон, то есть «Цветущий яблоневый сад», прокладыва-

ется новый тоннель в 13 километров длиной. Вода идет и в Дангаринскую степь. В ту самую Дангару, что названа в числе важнейших строек десятой пятилетки. Пока здесь рос ячмень. Пастбищные травы сохли и желтели уже в начале лета. Но придет вода и оживит 154 тысячи гектаров. Здесь будет цвести хлопок и будет цвести жизнь. Как в Душанбе и в Нуруке, здесь в жаркие дни и ночи зажурчат фонтаны и поливальные машины раскинут прозрачные веера над горячими улицами.

По чертам Вахшской и Яван-Обикиикской долин можно представить всю будущую силу и красоту Дангары. И легко угадать, что станет она лучшим произведением великой и щедрой таджикской Воды-ханум.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Уроки	3
Маленькая звезда Пустошка	11
День рождения	19
Запах полыни в Кумтекей	34
Вода-ханум	42

Нина Сергеевна Храброва

ОСТАНОВКИ В ПУТИ

Редактор М. М. Жигалова.

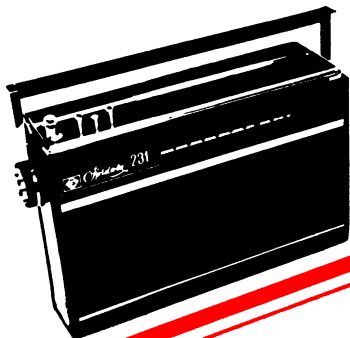
Технический редактор Е. Н. Щукина.

Сдано в набор 17.03.81. Подписано к печати 29.05.81. А 00383.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 3,03. Тираж 100 000 экз.
Изд. № 1271. Зак. № 373. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты
«Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

Цена 20 коп.

Индекс 70668

СПИДОЛА-231

ЗНАМЕНИТУЮ «СПИДОЛУ»

выпускают на рижском производственном объединении «ВЭФ». Одна из моделей этой популярной марки— **«СПИДОЛА-231»**.

Отличное звучание приемника обеспечивается высокими электрическими и акустическими параметрами, раздельной регулировкой тембра по высоким и низким звуковым частотам.

Работает «Спидола-231» в семи диапазонах—ДВ, СВ и КВ (I—V) Питание — шесть элементов «373».

Шкала приемника подсвечивается, что особенно удобно при настройке.

Цена—100 руб.

ЦКРО «Орбита»